

18+

Сергей Шикера

ПОРТУЛАК

роман

Сергей Шикера
Портулак. Роман

«Издательские решения»

Шикера С.

Портулак. Роман / С. Шикера — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514535-2

В тихом южном городке на исходе курортного сезона одно за другим происходят несколько убийств. Однако раскрывать их, похоже, никто не торопится. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-514535-2

© Шикера С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	9
III	11
IV	13
V	16
VI	18
VII	20
VIII	22
IX	24
X	27
XI	29
XII	32
XIII	34
XIV	36
XV	38
XVI	39
XVII	41
XVIII	44
XIX	46
XX	49
XXI	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Портулак Роман

Сергей Шикера

© Сергей Шикера, 2020

ISBN 978-5-0051-4535-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

I

Несмотря на позднее время, расходиться и не думали. Помню, как сейчас, тот восхитительно теплый апрельский вечер с высокой луной над садом и неподвижной цветущей черешней за распахнутым окном. Кто-то предложил прогуляться к лиману, возражений не последовало, но все как сидели, так и продолжали сидеть. Тут-то и зашел разговор о редких, по преимуществу курьезных фамилиях, включая и говорящие. Почти у каждого из полутора десятка гостей нашлось что рассказать. Так Вяткин вспомнил парадоксальную парочку из своего далекого армейского прошлого: брутального, с пудовыми кулаками прапорщика Лилейного и похожего на поэта Блока анемичного лейтенанта Битюгова. У меня для такого случая был припасен пожарный инспектор Ужес. Как всегда, искрометной импровизацией повеселил публику наш штатный рассказчик фотограф Жарков. Следом за ним и как бы ему в тон, отчасти подражая, а отчасти соперничая, выступил сын нашего известного горожанина и, кстати, сам обладатель не совсем обычной фамилии, Кирилл Стряхнин-младший. Он только неделю назад женился, со дня на день собирался отправиться в свадебное путешествие и постоянно находился в некотором возбуждении.

– В конце девяностых годов, – начал он, – в число самых востребованных наемных убийц входила одна интересная особа. Профессионал высочайшей пробы. Прославилась, кроме всего, тем, что своих жертв поражала исключительно в сердце. Звали девицу – внимание! – Жизель. Фамилия: Катигроб. Жизель Катигроб – черный ангел девяностых.

Слушатели иронически переглянулись, а хозяин дома Чернецкий, чей день рождения мы в тот вечер праздновали, заметил, что до сих пор говорили о людях и фамилиях настоящих, а не вымышленных.

Выставив указательный палец, Стряхнин-младший весело продолжил:

– И это я еще не успел сказать, что мать её звали Джульеттой, а старшего брата – Гамлетом. Гамлет Катигроб. Как вам?

– Нам, – отвечал хозяин, – этот нехитрый прием известен: подкрепить одну небылицу другой, иногда еще большей.

– Извините, но тут вы ошибаетесь. Такие имена часто встречаются у представителей некоторых южных темпераментных народов. Мать Жизели, Джульетта, как раз и была одной из них, работала библиотекарем в детской библиотеке. А отец... Ну что отец – Тарас Катигроб, водитель. Одарив своей звучной фамилией жену, он предоставил ей право называть детей как она пожелает. Вот и всё объяснение.

– Гамлет Катигроб мне понравился, а вот Гамлет Тарасович уже меньше, – заметил из угла Жарков. – Отец, надеюсь, был водителем катафалка?

– Увы, всего лишь рейсового автобуса.

– Жаль. Но откуда такие подробности о семье?

– В наше время тайное становится явным с пугающей быстротой. Я вижу, вам мой рассказ тоже кажется выдумкой. Но попробуйте представить: вот тебе достается такая славная фамилия да еще в комплекте с именем, которое в переводе с древнегерманского означает «стрела». При таких исходных данных наверное трудно отмахнуться от мысли, что всё это неспроста и жизнь говорит с тобой почти открытым текстом. И вот для начала ты из всех видов спорта выбираешь стрельбу, как это сделала наша героиня, ну а дальше... Дальше – больше. Так или иначе, есть тут связь или нет, но факт остается фактом: жизнь Жизели Тарасовны Катигроб складывалась непросто. Непросто оказалось и с первой большой любовью, которая

с ней приключилась аж на двадцать шестом году. Чтобы не отнимать время, не буду вдаваться в детали. Итак. Известная исполнительница Жизель Катигроб по кличке Катя однажды, возвращаясь из командировки, знакомится в аэропорту во время длительной задержки рейса с неким молодым человеком, одесситом, и этих нескольких часов ей хватает, чтобы влюбиться в него по уши. Разъехавшись, они продолжают общаться всеми доступными средствами и ждут не дождутся возможности увидеться вновь. Однако... Чутьем женщины, спортсменки и опытного ликвидатора Жизель чувствует присутствие третьей особы. Да и было бы странно, если бы у такого молодого человека никого не было. Ощущение это крепнет день ото дня, и вот уже та, что без промаха била в чужие сердца, сама оказывается жертвой серьезного сердечного недуга, который временами её как будто лишает разума, и если бы это был балет, какая-нибудь «Новая Жизель», здесь обязательно присутствовал бы танец со снайперской винтовкой, передающий все нюансы и градации любовного помешательства, от окрыляющих надежд и неземных восторгов до приступов черной ревности и адского отчаяния. Не в силах больше выносить жгучую неопределенность, она отправляется в Одессу, где начинает вести наблюдение за возлюбленным. Скоро выясняется, что у нее действительно есть соперница, некая Катя. И хотя Жизель Катей была только по прозвищу, в этом совпадении она видит какой-то особый вызов. К тому же ей хочется думать, что её избранник сам рвется из ловушки остывшей случайной связи к большому настоящему чувству, и нетрудно догадаться, к какому решению её подталкивают полная неопытность в любовных делах с одной стороны и специфический жизненный опыт с другой. Определившись, Жизель сообщает любимому, что находится в Одессе – она должна своими глазами увидеть его реакцию на потерю той Кати. Они встречаются, проводят у него бурную ночь, а днем молодой человек со всей решительностью объявляет одесской Кате, что между ним и ею всё кончено. Увы, Жизель этого так и не узнает. Для того чтобы всё выглядело как несчастный случай, а именно убийство в ходе ограбления, она вызывает брата. И вот уже проработавший полжизни шашлычником Гамлет Катигроб, прихватив свой рабочий топор, прибывает в Одессу, и через день-другой проникает в квартиру Кати. Как говорится, гул затих, он вышел на подмости. Знаете, тут уж, пожалуй, и я разделю с вами ваше недоверие к моему рассказу. Потому что с появлением брата, благодаря одним лишь именам участников, история совсем скатывается в фантазмагорию, в дурной сон. При таком замесе возможны любые невероятные повороты и совпадения. Более того: здесь их не может не быть. Выбранный Гамлетом день выпадает на день рождения несчастной Кати. На работе её лучшая подруга крадет у нее ключи, чтобы вечером с друзьями напугать именинницу криком «Сюрприз!» и, прибыв чуть раньше других на место, падает сраженная топором незнакомца, обнаруженного ею в кухне. Едва Гамлет успеваешь удостовериться в ошибке и спрятать труп в кладовке, как через оставленную приоткрытой дверь весело вваливаются остальные сослуживцы. В заблаговременно обесточенной квартире на тот час уже почти темно, и пока молодые люди, бродя впотьмах, зажигают праздничные свечи, надевают на головы цветные колпачки и достают бутылки, никем не замеченный Гамлет пробирается к входной двери, запирает её на все замки, и в твердой уверенности, что одна из прибывших девиц уж точно Катя, берется за топор. Тем временем сама Катя, обнаружив по дороге домой пропажу ключей, использует её как повод встретиться с бывшим возлюбленным. Получив у него вторые ключи, она уговаривает его провести этот праздничный вечер вместе, распить прощальную бутылку шампанского, вспомнить прошлое и расстаться добрыми друзьями. Поколебавшись, тот соглашается, и... так уж выходит, что в устроенной Гамлетом кровавой бойне Катя оказывается заключительной жертвой. Вот, собственно, и всё. Ну а наша снайперша, спросите вы, Жизель? Что стало с нею? Увы, на этом заканчивается и её история: узнав о вероломном предательстве возлюбленного и его гибели, вполне им, впрочем, заслуженной, она впадает в тихое помешательство, в котором прозябает и по сей день. Спасибо за внимание, я кончил.

К сожалению, мой пересказ не может передать, насколько увлекательно да еще и с некоторым артистическим блеском это было рассказано. Помню общее одобрение и веселые возгласы. Победенный Жарков, кажется, даже немного приревновал. Единственным недовольным оказался сидевший у дверей Витюша Ткач, в ту пору совсем юный. «Когда речь идет о смертях и крови, юмор неуместен!» – с вызовом произнес он и, смутившись, вышел.

Стоит также добавить, что в те дни много разговоров ходило о местном сочинителе и близком приятеле Кирилла Стряхнина Антоне Чоботове, чью оглушительно-кровавую повесть опубликовал один из толстых российских журналов. Так что рассказ Кирилла большинство слушателей расценило еще и как пародию на чоботовский дебют. «Чоботов кусает локти!», «Чоботов отдыхает!», слышал я тем вечером то от одного, то от другого.

II

Любым делом я привык заниматься добросовестно, с полной отдачей и без суеты. И, как правило, остаюсь доволен результатом. Не должны были стать исключением и эти записки, посвященные событиям, потрясшим наш городок в августе 201... года, то есть спустя пять с лишним лет после вышеописанного вечера. Взявшись за перо более года назад, я с должной усидчивостью, в чинной манере педантичного хрониста исписал первые три десятка страниц. Это несколько, может быть, тяжеловесное, похожее на медленный разъезд театрального занавеса вступление включало в себя как подробное, снабженное обширными историко-географическими справками, описание городка с его знаменитой средневековой крепостью и с античным поселением у её подножия, так и очерк его нынешнего состояния с попутным представлением всех действующих лиц, вплоть до второ- и третьестепенных. Однако, подобравшись к пункту перехода на сами события и запнувшись раз, другой, третий, я в растерянности остановился и долгое время, сколько ни пытался, не мог двинуться дальше. Дело тут было вот в чем. При том непосредственном участии, которое я в этих событиях принимал, продолжать скрываться за маской бесстрастного хроникера или, претендуя на некую объективность, писать от третьего лица, как пишется большинство романов, становилось всё труднее, и то, что выходило из-под пера, казалось мне насквозь фальшивым. Я бросал, возвращался, опять бросал и опять возвращался – всё было тщетно. Переход не давался. В этом межеумочном состоянии – продолжать? не продолжать? – я пребывал довольно долго. Пока однажды (не знаю, не уловил, с чем был связан произошедший перелом), как бы очнувшись и мысленно оглядевшись, не задал себе простой вопрос: а что мешает мне выступить вольным, не стесненным рамками жанра рассказчиком? И сам себе ответил: да вот эта нелепая затея и мешает. К тому же, все мои занимавшие так много места исторические комментарии при свежем, после долгого перерыва, прочтении оказались лишь неуклюжим пересказом трудов нашего славного историка и краеведа Константина Чернецкого, написанных живым увлекательным языком. Так не проще ли отослать читателя напрямик к первоисточнику, а себе оставить роль безыскусного повествователя? Словом, отодвинув в сторону прежние притязания, я решил начать с какого-нибудь яркого эпизода, чтобы сразу окунуть в гущу событий не только читателя, но и себя самого, а там будь что будет. Тут-то и пришло свободное дыхание и как-то сама собой написалась приведенная выше сцена с выступлением Кирилла Стряхнина, почему-то так ярко отпечатавшаяся в моей памяти.

В процессе писания количество героев оказалось большим, чем представлялось мне изначально, соответственно возросла и плотность повествования, а потому сразу хотелось бы предупредить: предлагаемые записки не менее чем на четверть состоят из описаний не совсем достоверных. Там, где я не был очевидцем событий, их пришлось восстанавливать по чужим, принятым на веру свидетельствам; в описании же сцен, где очевидцев быть не могло, а участников нет больше в живых, я не чураюсь и прямых домыслов. Тут же оговорюсь, что человек я литературы хоть и не чуждый, питающий к ней слабость, но в крупной прозе пробовал себя лишь однажды (и то неудачно) много-много лет назад, и потому рассчитываю на снисходительность читателя. Надеюсь, что он простит мне как шероховатости изложения, так и некоторую свойственную дилетантам наивную витиеватость.

Коротко о себе. Родился и живу в Одессе. Несмотря на университетское образование, а может быть и благодаря ему, начинал трудовую деятельность с мелкой коммерции, потом пробовал торговать недвижимостью (тогда-то и приобрел здесь дом), а последние двенадцать лет с подачи школьного друга, пригласившего меня в свое дело, и ныне, увы, покойного, занимаюсь установкой саун и бань. В городке я бывал в раннем детстве, пока тут жила подруга матери. С тех пор приезжал сюда редко, лишь по делу, и только обзаведясь жильем и позна-

комившись с Константином Чернецким, стал здесь частым гостем. Дом с участком я купил по случаю для перепродажи. Используя его все эти годы как убежище от невзгод, а в определенные месяцы как дачу, иногда просиживая в нем подолгу, я постепенно к нему привык и начал подумывать о переезде. В мае четырнадцатого года я почти уже переехал, но вскоре дела опять позвали в Одессу, и окончательный переезд пришлось отложить.

Находясь в городке или приезжая сюда на выходные, я по субботам обязательно посещал дом Чернецкого, который издавна был одним из очагов культурной жизни городка. Возникший там литературный кружок просуществовал с переменным успехом и с некоторыми перерывами почти четверть века и со временем превратился в своего рода клуб. Традиция этих собраний уже совсем было захирела, когда вдруг несколько лет назад появился благотворитель и вдохнул в них новую жизнь. В двухэтажном кирпичном особнячке румынской постройки, в правой его половине (левую занимали вдовья мать и старшая сестра Чернецкого, обе учительницы) вновь стали по субботам собираться гости. После бокала-другого вина с легкими закусками поднимались в уютный кабинет хозяина, а в большие холода оставались в не менее уютной столовой. Играли в буриме, делились новостями и говорили обо всем на свете, кроме политики. Неизменными участниками суббот были: я, фотограф Александр Жарков, пенсионер Иван Михайлович Вяткин, Витюша Ткач, диктор местного телевидения Глеб Глебов с женой, редактор городской газеты Андрей Изотов, сестра Чернецкого Анна и наш благодетель Виталий Кучер. Обязательно приходил кто-то еще, так что меньше десяти человек редко когда собиралось. А тем летом, о котором речь, так и поболее, в иные дни доходило и до двух десятков.

За исключением Чернецкого, готовившего к изданию уже четвертую книгу, никто из нас давно ничего не писал, если не считать каких-то выплесков в виде случайных зарисовок или стихов к юбилеям. Фотограф Жарков взялся было за пьесу о пророке Ионе, начало получилось многообещающим, мы шумно отметили написание первого действия, но дальше дело застопорилось. Больше других судьбой сочинения интересовался Вяткин. Запомнилась одна из их с Жарковым тогдашних пикировок:

- Как там твой шедевр, Саша? Двигается?
- С трудом, дядя Ваня, с трудом. Ты же знаешь, великие вещи рождаются в муках.
- Ты уж постарайся, Саша, помучайся ради всех нас, не подведи. Вот, послушай, недавно попало на глаза: «Ввергнутый в сущую нищету тьмы лукавых страстей» – как звучит, а?
- Это о ком?
- Неважно. О всех нас. Вот как надо писать! Чтобы воздух гудел от напряжения. А не эти ваши почёсывания в затылке или еще где.
- Да куда уж нам!

III

Неожиданной особенностью того лета явилось невиданное доселе нашествие приезжих. Помню, в какой-то момент меня вдруг поразило количество подростков – сколько же их! Уткнувшись облупленными носами в телефоны, таскали за родителями кошёлки по рынку долговязые юнцы; под уличными шелковицами, звонко перекрикиваясь и отбиваясь от комаров, стайками паслись смешливые отроковицы; на закате и те и другие сходились на пустырях для игры в бадминтон или мяч, оттуда шли в крепость, на лиман, потом возвращались в город, и до позднего вечера слышались отовсюду их ломающиеся голоса, визг и смех.

С начала июня в городе перегостили, кажется, все покинувшие его в разное время, включая и тех, кто прежде не приезжал. У меня от того лета осталось общее впечатление пестрой сутолоки, безостановочного мелькания загорелых беззаботных лиц, среди которых то и дело попадались знакомые, давно забытые. В связи с небывалым наплывом ощущался какой-то особый подъем, какая-то веселая нервозность – все радовались, обнимались, приглашали друг друга в гости, обильно выпивали. Пик пришелся на середину августа – время, когда семейные отпускники еще не разъехались, а вольные ценители красот и щедрот угасающего лета как раз подтянулись, что, впрочем, происходило каждый год, пусть и в масштабах поскромнее.

И вот что интересно: многие из них, включая тех, кто отгостился раньше, то есть до начала событий, на следующий год говорили, что будто бы еще тогда, сквозь тот подъем, почувствовали приближение какой-то беды. Якобы что-то такое, не только веселящее, но и тревожащее, витало в воздухе. И вроде бы имели место кое-какие знаки. Не могу с этим согласиться. Конечно, с ощущениями, как и с рассказами о них, спорить глупо, но признайтесь: кто из нас задним числом не обнаруживал в себе способность прозревать будущее? Все мы, как потом выясняется, что-то такое чувствовали. Обычная в таких случаях присказка. То же касается и упреждающих знаков – задним числом их можно отыскать в любой истории, было бы желание. А уж при буйной фантазии нашего народа и его неистребимой склонности к вольным, ничем не стесненным интерпретациям даже самых твердых непреложных фактов знаки можно соорудить из чего угодно. Примером тому история с «мертвым монахом». Судите сами. Одним апрельским утром пронесся слух, что накануне вечером в городе убили и ограбили монаха. С разбитой головой его нашли на остановке возле ж.-д. вокзала. Рядом с убитым лежал пустой фанерный ящик для сбора пожертвований. Случилось это за неделю до пасхи, так что шум поднялся большой, и из Одессы прислали следователя. Не помню на какой день, но довольно скоро стали известны результаты экспертизы: найденный молодой человек умер от передозировки, а голову ушиб при падении. Дальше одна за другой начали открываться подробности. Так стало известно, что ни в одной из обителей области никто из монахов не пропал, а вот у насельника Н-ского монастыря, собиравшего пожертвования на восстановление храма, во время купания в море исчезли подрясник и ящик. Затем выяснили и личность покойного – им оказался 22-летний житель поселка О., наркоман со стажем. Однако это, похоже, никого уже не интересовало. Несмотря на очевидность, все упорно продолжали твердить про монаха-наркомана, толкуя его смерть от передозировки как некое предзнаменование. Уже самым детальнейшим образом и не один раз эту историю осветили в уголовных сводках, уже и отец Иннокентий, наш соборный протоиерей, и по телевизору, и в местной газете опроверг «монашескую» версию – всё было напрасно. Всем нужен был монах. Спросите: зачем? Думаю: на всякий случай, как знак – вдруг что-то произойдет, мало ли. Рано или поздно что-то же произойдет? А какой из мертвого торчка знак? Так и превратился наркоман, переодетый монахом, в монаха-наркомана и остался в памяти народной дурным предвестьем всего, что бы ни случилось после. Помню, у меня тогда машина была не на ходу, и я в электричке разговорился с попутчиком – немолодым, с виду разумным человеком, дачником. Коснулись и этой истории. Внимательно

выслушав мой рассказ, получив подробные ответы на все вопросы, он тем не менее в конце сказал: «А что, среди монахов нет наркоманов? Я слышал, что полно». Ну вот как разговаривать с такими людьми! Добавлю только, что высосанный из пальца монах стал-таки частью городского фольклора наряду с убитым молнией гимназистом, чья неприкаянная тень вот уже второе столетие смущает покой наших обывателей.

С середины августа я, как обычно, стал потихоньку готовиться к бархатному сезону, то есть подбивать дела так, чтобы провести его весь, сколько бы он ни продлился, безвылазно в городке. Не передать словами, как я люблю эту череду погожих безветренных дней, уже с утра напоминающих долгие летние вечера в преддверии сумерек, с тем же невысоким, но еще жгучим солнцем, бесчисленными лучами которого как бы во все стороны сразу пронизан неподвижный воздух улиц и дворов! Такого благодатного покоя вы не найдете ни в какую другую пору года. Вся округа, словно засмотревшись в саму себя, пребывает в какой-то отрешенной задумчивости, и всюду, куда ни пойдешь – та же чуткая тишина, те же пятна света, день-деньской мерцающие драгоценными россыпями по затененным углам и закоулкам, то же грустное, сладко-назойливое звяцанье насекомых в полинявшей за лето, прибитой пылью листве... У одного местного стихотворца это недурно описано:

Тишь кругом, только скорбные лязги
престарелых сентябрьских цикад
да сверчков бесконечные дрязги
вместо прежних весёлых рулад.

Впрочем, с наступлением темноты, когда строения и деревья сходятся потеснее, а из садов начинает ползти вечерняя прохлада, доходит дело и до рулад, вгоняющих слушателя в ту же мечтательную негу, что и месяцем раньше, хотя и уже с хорошо различимой ноткой печали – лето-то тью-тью. Вот еще стихи того же автора, несколько, правда, фривольные и не совсем по теме, ну да ладно, пусть будут:

Я хитёр, я зажгу ночничок
и поставлю его на окно —
пусть летящий во тьму огонёк
из неё тебя выманит, но
торопись, пока кровь горячит
топография впадин и по-
лушарий, пока ворожит
мой сверчок с погонялом Ли Бо.

IV

Эту общую, сродни перелетному инстинкту (а с чем еще сравнить сие явление?) тягу посетить родные места, охватившую вдруг всех и сразу, видимо почувствовал тем летом у себя в далекой Москве и Кирилл Стряхнин, один из тех, кто, казалось бы, канул в чужих краях навсегда. Уехав в свадебное путешествие чуть ли не на следующий день после выступления у Чернецкого, он больше в городе не появлялся. Его молодая жена Алиса Тягарь в середине осени вернулась домой сама. Еще через месяц-полтора она родила мальчика, и по приглашению свёкра перебралась в дом Стряхниных, поскольку семья, где она жила – бабка, мать и её очередной сожитель – была, скажем так, из непростых. Что у них с Кириллом произошло, никто точно не знал, говорили, что причиной раздора стало появление там, в Москве, в поле зрения молодых, бывшей возлюбленной Кирилла Ники С., и Москву Алиса покинула после громкого скандала в расчёте на то, что Кирилл бросится за ней. Расчёт, как видим, не оправдался.

О Кирилле же слухи все эти пять почти с половиной лет доходили самые разные. Говорили, что он то ли учился, но не доучился, то ли всё-таки доучился и выучился на художника кино. Ещё рассказывали, что жизнь ведёт праздную и беспутную... ну, и еще всякое. Единственным документально подтвержденным слухом оказался тот, что Кирилл стал автором комиксов, которые при желании (у меня его так и не возникло) можно и сейчас найти в сети. Интересно, что главными героями картинок были – кто б вы думали? – да-да, они самые: Жизель Катигроб и её братец Гамлет. По словам Жаркова, рисунки в жанре фэнтези рассказывали историю их лютой вражды. У каждого из них за плечами стояло по грозному воинству, у сестры – с огнестрельным, у брата – с холодным оружием, и время от времени они сходились выяснять отношения в разных точках планеты, преимущественно в столицах: в Риме, Лондоне, Ашхабаде, Лхасе и проч. По сведениям того же Жаркова, по мотивам комиксов появилась и компьютерная игра «Катигробы». Всё это была какая-то, на мой взгляд, несусветнейшая чушь, недостойная тех ожиданий, которые мы с Чернецким возлагали на Кирилла. Когда-то его среди прочих своих учеников выделила и представила нам сестра Чернецкого. Тогда же мне через знакомых удалось опубликовать подборку его стихов в одной из одесских газет, после чего он стал публиковаться самостоятельно. Дело известное: нам приятны люди, которым мы оказали помощь или поддержку, и этим, наверное, во многом и объяснялась наша симпатия. Да и Кирилл отвечал нам тем же. Перед Чернецким он немного тушевался, а вот со мной чувствовал себя куда свободней. Стихами он, правда, увлекался недолго и скоро их, к сожалению, забросил.

Пока Стряхнин-младший покорял столицу, жизнь в нашем городке тоже не стояла на месте. Шла своим чередом она и в доме Стряхнина-старшего. Поселившаяся там сразу после родов Алиса Тягарь расцвела еще больше. Крупная, яркая, с полными загорелыми плечами и высокой грудью – она всегда умела себя подать, а тут еще вид женщины, живущей в холе и достатке, стал прямо-таки бросаться в глаза. Наряды один дороже другого, украшения, своя машина, да и поведение полноправной хозяйки дома не оставляли сомнений в том, что Стряхнину-старшему она уже далеко не невестка. И несмотря на то, что попала она в дом по приглашению хозяина, очевидно пожелавшего иметь на склоне лет рядом родную душу, некоторые сочли её переселение расчетливой мстью загулявшему в Москве Кириллу. Впрочем, большинство полагало, что мсть тут была не при чем. Чистый практицизм и ничего больше.

Отец Кирилла, Кирилл Юрьевич Стряхнин, уроженец нашего, до недавнего времени уютного городка, был из тех редких бывших военных, что смогли удачно вписаться в новую жизнь. Вернувшись домой еще молодым майором, он принимать новую присягу отказался и, некоторое время победовав, ушел с головой в предпринимательство. Немногословный, суровый,

хваткий, неумолимый, он, говорят, какое-то время, пока не встал крепко на ноги, даже бандитствовал, но вроде бы недолго и вынужденно, без тяжелых последствий, но и не без опасных приключений. К вышеперечисленным характеристикам следует добавить его взрывную непредсказуемость. Примеров тому много. Так, с Чернецким он раз и навсегда рассорился после того, как тот отказался организовывать с ним совместное предприятие по поиску и подъему амфор и прочих древностей со дна нашего лимана. Вот просто наорал на него, едва не бросившись с кулаками, и перестал с того дня замечать. Тем не менее за прошедшие годы он приобрел большой авторитет, стал почетным гражданином и дважды выдвигался в мэры.

Нельзя, однако, было не заметить, что на фоне буйного цветения Алисы некогда бравый майор начал сдавать на глазах. Поговаривали о вампиризме молодой хозяйки, высасывающей соки из несчастного, мучившей его постоянными капризами и непомерными тратами. Насчет капризов не знаю, а относительно трат позволю себе не согласиться. Во-первых, Кирилл Юрьевич был далеко не беден, так что разорительными эти траты я бы не назвал. А во-вторых, не будучи скупым, он был человеком привычки, при этом крайне неприхотливым – годами ходил в одной и той же одежде, ездил на одной и той же машине и жил в полуразвалившемся родительском доме, ни разу за все годы не сделав в нем нормального ремонта. На что же ему еще было тратить под конец жизни деньги, как не на молодую сожительницу? Мне кажется, что Кирилл Юрьевич попросту устал, и при появлении в его доме волевой оборотистой Алисы всего лишь позволил себе стареть. Нет, там было еще далеко до старческой беспомощности, он продолжал садиться за руль, по-прежнему любил пострелять из своих многочисленных пистолетов, но делал это все реже и реже. Последние год-два появлялся на людях считанные разы, полюбил уединение и увлекся цветоводством. Тут, видимо, армейская страсть к порядку взяла свое, и цветы у него в саду росли четкими кругами, квадратами, ромбами и треугольниками – каждому сорту своя фигура.

И уже никого не удивило, когда на исходе этих пяти лет в доме Стряхниных к одному детскому голосу прибавился еще один. Мальчика назвали Юрием. И вот вскоре после его рождения и незадолго до приезда младшего Стряхнина по городу прошел слух, а следом разразился скандал, которые всю эту и без того запутанную семейную историю низводили уж совсем до какого-то последнего непотребства. Суть навета заключалась в том, что Алиса якобы была родной дочерью Стряхнина-старшего! А основывался он на том, что майор когда-то пытался закрутить роман с Зоей Тягарь, матерью Алисы. (Учитывая, что Кирилл Юрьевич в то время не пропускал ни одной юбки, вариант не такой уж невероятный.) Все говорили, что авторами слуха были мать и бабка Алисы. Видя некоторое одряхление Кирилла Юрьевича, они собирались тянуть потихоньку из него деньги за молчание, но слух вырвался на волю (а у пьющих людей по-другому быть не могло), и они пошли в открытое наступление. Рассказывали, был какой-то ужасный шум у Стряхниных чуть ли не в день рождения ребенка, когда Алиса еще находилась в роддоме. Её мать, не получив от Кирилла Юрьевича денег, рыдая, кричала ему из-за ворот, что она его предупреждала. На вопрос домработницы, почему она не предупреждала об этом, когда её дочь выходила за младшего Стряхнина, а значит как бы за единокровного брата, она сказала, что и тогда предупреждала, и уж это точно было неправдой – все помнили, как весело праздновали свадьбу. Кто знает, сколько бы это продолжалось, если бы не вмешательство самой Алисы Тягарь (по выражению Жаркова: «дважды Стряхниной»). Вернувшись из роддома, она в тот же день отправилась к матери и там попавшейся ей под руку шваброй так отходила и матушку и её совсем непричастного хахалю, что те остались едва живы и с неделю не могли выйти на улицу, а после долго еще ходили, прихрамывая, держась друг за дружку. Сразу же прекратилась помощь, которую Алиса оказывала матери, да и вообще все отношения между ними. Их пример оказался для всех наукой, и слухи утихли. Но осадок остался. Многие задавались вопросом: почему отмалчивался сам Стряхнин? Может, что-то всё-таки было? И вот сюда еще добавился приезд из Москвы Кирилла, с момента которого

Стряхнина-старшего больше на людях не видели. Та же домработница Стряхниных рассказывала, что за полгода до этого какая-то цыганка в Затоке среди бела дня из всей толпы схватила за руку Кирилла Юрьевича, и пока тот шел к машине, наговорила ему такого, что он несколько дней ходил как в воду опущенный. Предсказание касалось сына и предостерегало Кирилла Юрьевича от встречи с ним.

В связи с вышесказанным известие о приезде младшего Стряхнина было встречено нами с некоторой тревогой. При этом и мне, и Чернецкому, и его сестре было интересно спустя годы увидеть нашего, в некотором роде, воспитанника, и мы, не говоря об этом вслух, рассчитывали, что он почтит нас своим вниманием (чего так и не произошло). Видимую озабоченность вызвала новость у Вяткина, у которого на то имелась особая причина: с Кириллом в городок вернулась его крестница Ника С., та самая разлучница. А вот фотограф Жарков (признаюсь, он меня начинал уже тогда раздражать), наоборот, не скрывал веселого праздного любопытства.

– Да что ж вы все так разволновались, панове? – восклицал он. – Ну подумаешь, ну забурлит слегка наша застоявшаяся жизнь, заиграет иными красками – ей это не противопоказано, давно пора.

V

В те дни я по поручению Чернецкого занялся делом, касавшимся одного молодого участника наших собраний, Витюши Ткача, с которым тогда начало происходить нечто странное. Надо заметить, что этот физически необычайно крепкий, атлетически сложенный смуглый брюнет, с напряженным, чаще всего исподлобья, взглядом, был и без того достаточно странен, если не сказать больше. Хотя гостем был смирным – сидел весь вечер где-то в углу и редко когда обращал на себя внимание краткими косноязычными замечаниями, вроде того неодобрительного пятилетней давности отклика на выступление Кирилла Страхнина. В речах же подлиннее поражала удивительная чересполосица его сознания, и мне как-то пришло на ум такое сравнение: слушая Витюшу Ткача, ты словно бы шел анфиладой комнат, где светлые жилые помещения чередовались с палатами для душевнобольных, из темных глубин которых на тебя в любой момент могло Бог знает что выскочить.

Не пропускавший прежде ни одной субботы, он вот уже больше месяца не появлялся у Чернецкого, да к тому же стал избегать всех нас – чуть завидев, сворачивал в проулок или переходил улицу – на что, если сказать по правде, кабы не тот же Чернецкий (говорили, что в Витюше он находил некоторое сходство с покойным братом), никто бы и внимания особого не обратил.

Столкнувшись с ним в начале августа возле заброшенных казарм буквально лицом к лицу, я естественно поинтересовался, почему он перестал посещать субботы. Он поначалу не ответил. Набывчившись, точно упершись большим круглым лбом в невидимую стену, стоял и молчал.

– Что-то случилось, Витюша? – спросил я.

– Я вам не Витюша, – проговорил он и, взмахнув иссиня-черными ресницами, отвел глаза, – а вы давно уже мне никто. И, может быть, даже уже не люди. Пришло время очищения.

Кажется, в этот раз я попал в буйную палату, едва перешагнув порог. На смуглом лице Витюши, когда он вступал с кем-нибудь в разговор, неизменно появлялся румянец, в тот день он горел ярче обычного.

Пока я обдумывал услышанное, Витюша твердо повторил:

– Очищение началось!

И пошел прочь.

– А всё-таки что с ним, как думаете? – спросил я на следующий день Чернецкого, когда мы – он, я и фотограф Жарков – собрались под вечер в его кабинете. Как я уже говорил, поскольку из-за наплыва гостей мы то и дело встречались у общих знакомых, график встреч тем летом у нас был свободным. Продолжали собираться и по субботам.

Чернецкий, пожимая плечами, тяжело вздохнул.

– Представить не могу, – ответил он. – Но хорошо, что ты напомнил. Пора им заняться. Тихая вода плотины рвет.

Куривший у окна Жарков, называвший Витюшу тихим бессарабским психопатом (у него для каждого имелось в запасе «доброе слово»), стряхивая пепел, сказал:

– Поздновато вы спохватились, господа. Витюше нужен теперь или опытный экзорцист, или длительный курс лечения. А до тех пор поговорить с ним вам уже не удастся, только с его голосами. Я так и знал, что это запойное чтение до добра не доведет. Не стоило его поощрять.

Последние слова были адресованы Чернецкому – у него да еще у Вяткина Витюша время от времени брал книги, хотя в основном пользовался нашей весьма приличной городской библиотекой. Читал он действительно много и все подряд. При этом постоянно что-то писал. Проходя мимо дома, где он жил с сестрой, часто можно было слышать громкий, с подзвоном,

стук разболтанной пишущей машинки, разносившийся теплыми ночами при открытых окнах чуть ли не на всю улицу. Ничего из написанного Витюша никогда и никому не показывал.

– Что значит «поощрять»? – сдержанно возразил Жаркову Чернецкий. – Он не ребенок, взрослый человек. И о каких голосах ты говоришь?

– О тех самых. «Очищение началось!», «Вы не люди» – это как раз оно и есть. Страшная вещь, если серьезно. Или делай, что тебе велят, или от бесконечного прослушивания рехнешься и все равно сделаешь. И это еще не самый худший вариант. У одного моего питерского знакомого как-то после затяжной пьянки тревожные женские голоса числом не менее трех вдруг запели: «Не слушай нас! не слушай нас! не слушай нас!» И пели так день и ночь без остановки несколько суток. Ну и как это выполнить? Чего только не делал несчастный – всё без толку. Хоть разбегайся и головой об стену. А потом так же внезапно – раз! – и замолкли. Правда, еще с месяц в ушах была не тишина, а как будто напряженное молчание в эфире, как если бы они в любую минуту готовы были снова запеть. Говорил, что ничего ужаснее с ним отродясь не случилось.

– Ну причем здесь это, – досадливо отмахнулся Чернецкий. – Я вот думаю, не угодил ли Витюша куда. Сектантов вон опять расплодилось, шагу не ступить. Да и общее состояние вокруг ничего хорошего не обещает.

– Это правда, – согласился Жарков. – Как недавно выразился наш златоуст Кучер: «сейчас всё общество немножечко живет в небольшом хаосе».

Замечание Чернецкого об «общем состоянии» идет, конечно, вразрез с моим утверждением, что никто тогда ничего не предчувствовал, но: то – Чернецкий. Впрочем, получается (хм... сейчас пришло в голову – вот она, польза от записок), что и Витюша оказался достаточно чуток. Вот только его реакцией на приближающийся разлад стало странное поведение, которое неизвестно куда могло его завести, чего мы и опасались.

Видя озабоченное лицо Чернецкого, я осторожно поинтересовался:

– Думаете, не пахнет ли здесь какой-нибудь политикой?

– Упаси Господь! – испуганно отозвался он.

VI

Сколько я помню Чернецкого – терпеливый, участливый, снисходительный ко многому, он на дух не выносил политики и оберегал наши собрания от этой напасти, как только мог. С началом известных событий в Киеве, а потом на востоке он и вовсе ввел строжайший запрет на любые политические разговоры и обрывал на полуслове всякого, кто выказывал хоть малейшее поползновение, объявляя дальнейшее развитие темы нежелательным. Впрочем, те, в чьих интересах начинала преобладать политика, сами оставляли наш клуб, как это сделали двое наших знакомых. Назову их Икс и Игрек. Не совсем уж юные, но еще горячие, они встретили киевский майдан с энтузиазмом и решили его поддержать на местном уровне. Больше мы их у Чернецкого не видели. Вскоре и тот, и другой уехали в Киев, откуда вернулись в начале весны лютейшими врагами и принялись рассказывать друг о друге Бог знает что. Их взаимные инсинуации не лишены были остроумия, да и правдоподобия. Так Икс рассказывал об Игреке, что тот в разгар Революции Достоинства прибил к палатке депутатов польского сейма, стоявшей одно время на майдане, где в порядке братской помощи и за небольшое вознаграждение готовил по утрам панам депутатам кофе и чистил им обувь. И даже получил письменную благодарность от одного из них, фамилию которого если и вспомнишь, то, как говорится, не облигнувшись, не выговоришь. В ответ на эту сплетню Игрек сардонически хохотал и рассказывал, что польская палатка была сооружением чисто символическим, ни жить, ни ночевать в ней поляки не собирались, а потому и видеть его за чисткой панских штиблет никто не мог. Зато всем известно, что Икс подрабатывал велорикшей у немецкого посольства, и в те славные дни, когда центр матери городов русских был перекрыт баррикадами, возил работников упомянутого посольства на велосипеде с коляской. Днём – по их служебным нуждам, в том числе на майдан и обратно, а вечерами еще и по разным веселым заведениям. И каждый мог наблюдать воочию и не раз, как по ночному революционному Киеву, налегая всем телом на педали и тараща глаза сквозь дымы пожарищ, тянет Икс из последних сил свою таратайку с пьяными, поющими во все горло дипломатами. Посидев тут и наговорив друг про друга еще много чего интересного, оба вскоре, как и прочие наши активисты, перебрались бузить и гонять ватников в хлебосольную Одессу, а их место здесь заняли молодые люди из близлежащих сел. К желанию и тех, и этих хотя бы таким образом отсидеться подальше от пуль и сырых окопов большинство наших обывателей, надо сказать, относилось с пониманием.

И все же, несмотря на все меры предосторожности и неусыпную бдительность хозяина дома, бьющаяся за окнами жизнь время от времени вторгалась и в наш тесный круг. Как-то наш благодетель Кучер, думая нас развлечь, привез к Чернецкому подобранного на трассе, побитого да еще и обчищенного актера из популярного телесериала, который никто из собравшихся, кроме самого Кучера, разумеется не видел. Встреча оказалось недолгой: словоохотливого, но жадного до спиртного гостя хватило минут на сорок, и под занавес он буквально оглушил нас трагическим монологом. Это был рассказ о том, как во время гастролей его театра в России (города я уже не помню) сколько-то лет назад они всей труппой устроили для принимающей стороны фуршет и выложили из бутербродов с салом карту Украины.

– О, если б вы видели... Если-б-только-вы-видели! Как они толкались и хватали! Хватали и жрали! Своими грязными лапищами – вот так! прямо вот так!.. – ревел он в финале рыдающим басом, ныряя пятерней в большой белоснежный торт, который по такому случаю выставил Кучер. – И первым, между прочим, сожрали Крым!

Горестно мотая запрокинутым, перемазанным кремом лицом, глотая слезы, он наконец бессильно опустился на стул, выложил на столешницу ладонь в комьях бисквита и меньше чем через минуту уронил кудлатую голову на грудь. Оставив его на Кучера, мы тихо поднялись в кабинет.

Да вот еще помнится, тогда же, в одну из суббот того лета имело место происшествие, довольно мелкое, но иначе как вторжением его не назовешь – в кабинет Чернецкого ворвался некто взъерошенный с горящими глазами, кажется не из местных, и с порога закричал:

– Вы обязаны меня выслушать! У меня за плечами девяносто два дня майдана!

В ту же секунду Жарков и Кучер, не сговариваясь, но так слаженно и ловко, словно проделывали подобное уже много раз, взяли гостя под руки, развернули и быстренько выпроводили вон. «Не будьте кацапами!» – этот его отчаянный прощальный крик донесся до нас уже из-за ворот.

Кое-что, правда, случилось и раньше.

VII

Заглядывал к нам на субботний огонек уже упоминавшийся вскользь в самом начале Глеб Глебов – человек по большей части тихий, но вспыльчивый и не без претензий. В нашем клубе он как бы составлял пару угрюмому молчуну Витюше, хотя был совсем иного склада, и наверняка оскорбился бы таким сближением. Проработав долгое время на местном радио и телевидении, он с той же дикторской чопорностью, не снимая костюма и очков в тонкой золотой оправе, держался в повседневной жизни. Аккуратно зачесанные назад и чуть набок напояженные волосы, большой рот с узкими плотно сомкнутыми губами, широкий нос и чуть оттопыренные уши придавали его наружности что-то лягушачье. В нашей компании его всегда называли по имени и фамилии очевидно потому, что Глебом звали покойного брата Чернецкого. Мнения о себе он держался весьма высокого, и единственным беспрекословным авторитетом для него была его жена, одно время тоже заживавшая в наш клуб. Год назад она, бросив мужа и девятилетнего сына, сбежала в Одессу с одним из тех «шлемоблещущих» рыцарей, что приезжают биться на турнирах во время средневековых фестивалей, ежегодно проходящих в стенах нашей древней крепости. С потерей супруги Глеб Глебов и сам как будто потерялся, стал выпивать, и примерно с того же времени его грубые и всегда неожиданные попытки свернуть разговор на политику, которые всякий раз резко пресекал Чернецкий, стали особенно назойливыми.

В одну из суббот Вяткин делился впечатлениями от последней статьи одного нашего именитого горожанина, писателя Цвиркуна (главного недоброжелателя Чернецкого да и всей нашей компании, скажу о нем чуть позже). Собеседником Вяткин, естественно, выбрал Изотова – молодого редактора нашей городской газеты, в которой статья была опубликована. Называлась она «Прощание с русским» и, несмотря на то что была написана на русском, вся дышала надеждой на скорейшее и полное избавление от этого имперского наследия. В ней Цвиркун среди прочего утверждал, что судьба русского языка еще со времен Пушкина всегда в большей степени зависела от чиновников и военных, чем от писателей и поэтов. Тем же самым, по мнению автора, грешила в свое время фашистская Германия, и он с горечью вспоминал, что первыми словами на немецком, которыми овладевали дети его поколения, были «хенде хох», «шнель», «цюрюк» и прочие в том же роде. А вот таких слов как «Химмель», «Эвигкайт» и «Вельтшмерц» ему, увы, слышать не приходилось.

Изложив вкратце для непосвященных эту свежую цвиркуновскую отсебятину, Вяткин с притворной озабоченностью вздохнул:

– Нет, ну в чем-то он прав, конечно. Я тоже из послевоенных, и могу подтвердить: ни немецкая вечность, ни мировая немецкая скорбь моего слуха так ни разу и не коснулись. Товарищи мои по играм вполне себе обходились «ахтунгами» да «хендехолами».

Тут, видимо желая увести разговор подальше от политики, слово взял стоявший у раскрытого окна Чернецкий:

– Я хоть и значительно младше вас с Цвиркуном, но чувствую себя таким же послевоенным ребенком – те же игры, те же увлечения... Да что там игры – взять, например, заговор на падаль. В детстве, сами знаете, где только не лазишь, и на такое натыкаешься часто: собаки, кошки, птицы, грызуны... И вот я, родившийся почти через двадцать лет после окончания войны, увидев что-нибудь из этого, скороговоркой выпаливал: «Тьфу-тьфу-тьфу, три раза, не моя зараза, не папина, не мамина, не брата, не сестры, а Гитлера жены!» Хорошо помню, как уже сам по себе энергичный ритм перечисления домочадцев с финальным переходом на Еву Браун вмиг прогонял страх. И, кстати, до сих пор гадаю: а как заговаривали, например, те, у кого не было никого, кроме матери? Или были только мать и брат? Как это звучало? Наверняка тот, кто научил меня (я, к сожалению, не запомнил кто это был), знал

варианты для любых комбинаций, и в случаях с неполными семьями та же бодрящая бойкость заговора, вероятно, достигалась добавлением каких-нибудь вставок. Но каких? Может быть, кто-то слышал что-то подобное?

Ответить никто из присутствовавших не успел – из угла, громыхнув стулом, выскочил Глеб Глебов и отрывисто прокричал следующее (записано мною как услышано):

– Талипше цийваш! Хайбы, хайбы! вашу цюю! взагаликбису!..

Запнувшись, он судорожно втянул воздух и беспокойным взглядом обвел наши заинтересованные лица. Неудивительно, что услышанное принято было нами за некое заклинание, которое Глеб Глебов с подачи Чернецкого вдруг вспомнил и, чтобы не забыть, тут же поспешил произнести вслух. Все ждали продолжения или комментариев. И только когда он закричал: «Да лучше бы вообще забыть к черту этот ваш проклятый русский язык и никогда больше не вспоминать! Пусть бы он вообще исчез! К черту его, к черту, к черту!», стало понятно, что перед этим была неудачная попытка сказать то же самое по-украински. Дружным молчанием мы встретили и этот его крик, только на смену любопытству и ожиданию пришло известное ощущение неловкости, какое возникает обычно, когда тихий нескладный человек громко и невпопад заявляет о себе.

– Знаете какой-то другой? – спросил наконец Чернецкий.

– Вот из-за таких, как вы, и не знаю! – так и бросился на него, окончательно позабыв о приличиях, Глеб Глебов.

– Что тут скажешь... – Чернецкий пожал плечами, – да и надо ли...

Он отвернулся к окну, а Глеб Глебов схватил свою сумку и выбежал вон.

Проследив за тем, как он покинул дом и вышел за калитку, Чернецкий повернулся к нам и сказал:

– Простим ему.

Этой негромкой фразой он сразу напомнил нам о пережитых Глебом Глебовым потрясениях, и больше мы к нему в тот вечер не возвращались.

Дело, однако, этим не кончилось.

VIII

По субботам Глеб Глебов больше не появлялся, но не прошло месяца, как он позвонил Чернецкому и, ссылаясь на нездоровье и обещая сообщить нечто важное, попросил срочно его навестить. На подходе к дому Чернецкий заметил, как в окне дернулась занавеска и мелькнула тень, но на стук в приоткрытую дверь никто не ответил. Постучав еще раз и не услышав ответа, Чернецкий вошел, с порога громко спросил, есть ли кто в доме, и тут же услышал какой-то шум и следом сдавленный крик из комнаты. Он бросился туда. Там с пунцовым лицом, выкашивая, то ли от ужаса, то ли от напряжения, глаза, вцепившись руками в петлю на горле и бешено дергая ногами, висел под потолком хозяин. К счастью, рядом на столе лежал остро наточенный кухонный нож, и в один миг веревка была перерезана. Усадив Глеба Глебова на стул, Чернецкий открыл окно. Раскидывая по сторонам взметнувшиеся занавески, он краем глаза заметил, как Глеб Глебов прихлопнул запрыгавшую на столе записку и прижал её ножом, а когда Чернецкий попытался снять с его шеи петлю, ловко увернулся. Так и встретил скорую, молниеносное прибытие которой стало еще одной странностью – во время вызова Чернецкий не успел договорить адрес, как ему ответили: «бригада уже выехала», а карета появилась, едва он дал отбой. Заслышав шум в прихожей, Глеб Глебов вручил ему свой телефон и велел снимать все происходящее. Чернецкий в некоторой растерянности послушно принялся исполнять волю самоубийцы и прекратил, лишь заметив недобрый взгляд начальника бригады. После чего откланялся. Узнавать, чем таким важным с ним собирался поделиться Глеб Глебов, он не стал, полагая, что тот всё, что хотел, сообщил в записке: «Стыдно быть русским».

Репутация Чернецкого как человека доброжелательного и великодушного, склонного снисходить к людским слабостям, была известна всем в городе, и потому даже после скандала, устроенного у него в доме, даже ставя его в дурацкое положение участием в своей комедии, Глеб Глебов был уверен, что тот отнесется к вышеописанной выходке серьезно, и не ошибся.

– До какого же отчаяния должен дойти человек, чтобы решиться на столь прозрачную инсценировку, – говорил Чернецкий. – Вот что достойно сочувствия, разве нет?

Кто б еще мог так сказать? При этом он не понимал некоторых очевидных вещей, и Жаркову пришлось объяснять, например, что скорая помощь, вызванная самим Глебом Глебовым перед тем как залезть в петлю, нужна была тому вовсе не для подстраховки, как предполагал Чернецкий, а исключительно для фиксации и огласки. Чтобы сей факт можно было при необходимости предъявить.

– Предъявить? – удивлялся Чернецкий. – Но кому? И зачем?

– Мало ли. Каждый делает карьеру как умеет. Я слышал, он собирается перебраться в Киев, вот и...

– В Москву, – уточнил кто-то.

– Ах, в Москву? Ну тогда тем более понятно. Если в Москву. Там такие герои – устыдившиеся себя русские – возможно, еще востребованы. В Киеве-то, да и в Одессе, этого добра с избытком, очереди стоят.

– Но как это? – продолжал недоумевать Чернецкий. – Придет на телевидение, покажет видео, записку и попросится в какое-нибудь шоу?

– Конечно! Именно так он и сделает.

И похоже, именно так Глеб Глебов и сделал, и раза два таки мелькнул на киевских каналах. После первого он заявился к Чернецкому. Пришел воодушевленный, светясь готовностью отвечать на вопросы. Не встретив с нашей стороны интереса и, кажется, приняв его отсутствие за зависть, он больше у Чернецкого не появлялся, зато, возможно и в отместку, стал ходить к его лютому недоброжелателю, упомянутому выше автору статьи о языке, Цвиркуну. (Я считаю, что втайне от нас ходить туда он начал гораздо раньше, сразу после бегства жены,

и именно этим объяснялось его несносное поведение у Чернецкого.) Тут не помешало бы сказать несколько слов об этом колоритном персонаже, Цвиркуне, которого наверняка помнят многие из гостей нашего города. С аккуратной седой бородой, в белой вязаной шапочке и в неизменной вышиванке – он стал своеобразной местной достопримечательностью. Писательствовать Цвиркун (я вот до сих пор не знаю, фамилия это или псевдоним) начал еще Бог знает когда и был одно время самым молодым в стране членом союза писателей. При смене эпох возглавил местную писательскую ячейку и, открыв в себе диссидентскую жилку, припомнил уже валившейся набок державе все её грехи, настоящие и мнимые. Справедливости ради надо сказать, что клеймя проклятое прошлое лишь в общем, Цвиркун ни от чего в своей биографии, в отличие от некоторых, не отказывался, и гордился каждым поворотом извилистого жизненного пути. Фигурально выражаясь: одежд никогда не менял и надевал каждую новую поверх предыдущих, за что пользовался у наших сограждан полнейшим уважением, ничуть не меньшим, чем постоянный в своих взглядах Константин Чернецкий. Известен был также тем, что многие годы увлекался буддизмом и отметился на обоих майданах.

– Объясните мне кто-нибудь, – удивлялся последнему Жарков. – Вот ведь, давно не молодой человек, а по меркам минувших поколений уже и старец. Светлые одежды, шапочка, мудрая усмешка во взгляде, при встрече ладошки складывает. Поговоришь с ним, и как в Ганге ополоснулся. А чуть какой майдан – он уже тут как тут, брусчатку разбирает и шины подтягивает. Причем что в пятьдесят пять, что в шестьдесят пять, без разницы. Вяткин, давай, растолкуй нам сверстника.

Последним поприщем Цвиркуна стало руководство местным отделением общества анонимных алкоголиков. По выражению того же Жаркова, зорко следившего за городскими событиями, этому детищу Цвиркун отдал всего себя без остатка, вложившись в него опытом всех прежних воплощений и нынешних ипостасей – главы большого семейства, патриота, члена союза писателей, теле- и радиоведущего, буддиста, коммуниста, националиста, духовного целителя, историка, диссидента, осведомителя (были и такие слухи) и запойного алкоголика.

– Программа собраний там примерно такая. Штудирование буддистских текстов и общие медитации (сам слышал, как они всем ульем гудели «оммммммм») чередуются с историей Руси-Украины. Начинают и заканчивают гимном. **На** дом Цвиркун иногда задает писать сочинения. Не выполнил задание – штраф. Пропустил занятие – штраф. Небольшой, но все же. Можно и по морде схлопотать – народ там покладистый, чтобы не сказать затюканный, возражать не привык. Ну и не без трудотерапии конечно – своих орлов Цвиркун сдает внаём. Собираются они теперь под пушкинским дубом.

Имелся в виду дуб возле Торговой пристани, входивший в добрый десяток разбросанных по всему югу области легендарных дубов, в тени которых, кочуя с цыганами по Бессарабии, любил отдыхать наш великий поэт.

После собраний, в сумерках, а то и позже, эти анонимные разве что для приезжих подопечные Цвиркуна поднимались в город и мимо моих окон; не сводя глаз с телефонов, они молча брели по улице, и в белых вышиванках, с лицами, омытыми голубым экранным свечением, больше походили на захмелевших от избытка кислорода, заглядевшихся в свои волшебные зеркальца утопленников, с наступлением темноты вышедших из лимана.

IX

Но вернемся к Витюше Ткачу. Несмотря на то, что его слова об «очищении» и перекликались с призывами Цвиркуна хорошенько почистить город, на собраниях у последнего он ни разу замечен не был (хотя с Глебом Глебовым его уже видели), и источник его воззрений находился явно где-то в другом месте.

Решив, что откладывать дальше некуда, Чернецкий тем же вечером, после нашего тревожного обмена мнениями, отправился к его сестре за брынзой. (А брынзу она, надо сказать, делала отменную. Такая, знаете, на вид совсем невзрачная, сероватого и даже как будто землистого оттенка, к тому же плотная и тяжелая, как глина, но с удивительно богатым вкусом и еле заметной приятной горчинкой. С нашими степными величиной с ладонь помидорами в грубых трещинах от напора сладкой мякоти да с домашним прохладным вином – чудо как хороша!) Когда мы дошли до перекрестка, я и себе заказал кружок овечьей, после чего мы с Чернецким попрощались.

Всё детство Витюша провел в интернате, но сразу же после смерти матери был забран оттуда старшей сестрой. Выучив и поставив брата на ноги, она до сих пор занималась всеми его делами. Работал он на тяжелых строительных работах, и сестра сама встречалась и договаривалась с работодателями.

Чернецкий проговорил с Людмилой Ткач около часа в летней кухне. Девушка простодушная, но не глупая, она и сама стала замечать за братом некоторые странности поверх тех, что за ним водились. И без того нелюдимый, он замкнулся еще сильнее. Не так давно решительно отобрал у сестры топор и впервые сам отрубил курице голову. А еще ей показалось, что он стал выпивать, если не что похуже. Последнее Людмилу беспокоило больше всего – она опасалась, что брат попадет к Цвиркуну. Эти изменения начались месяца два назад, сразу после того как у них переночевал некий актер одесского театра, приехавшего к нам на день города. Заплутавшего гастролера (отбившиеся от коллективов артисты были, видимо, бедой того лета) Витюша подобрал где-то на окраине во время сильной грозы. Небольшого роста, бойкий, со свисающей на глаз длинной прядью – больше ничего о нем Людмила сказать не могла. Имя: Игорь. То, что актер, поняла, услышав утром разговор по телефону, – тот собирался встретиться с кем-то в Одессе сразу после того, как «отыграет спектакль». Витюша проговорил с ним всю ночь и выходил на кухню за чаем один раз вроде как заплаканным. Когда она спросила, что с ним, загадочно ответил: «Это он». И больше ни слова.

Закончив с сестрой, Чернецкий заглянул к брату, и тут, разговорив его, услышал много для себя нового и удивительного.

Если коротко, узнать ему удалось следующее: всё последнее время Витюша, оказывается, жил в предчувствии и в ожидании откровения, и вот, наконец дождался. Что уже само по себе чудо, поскольку откровения теперь в мир посылаются совсем иначе, чем прежде. Зная гнусную привычку людей убивать его пророков, Господь решил: хватит, и с некоторых пор стал их скрывать. Суть маскировки в том, что чем меньше пророк знает о себе и послании, которое принес в мир, чем меньше он походит на пророка, тем лучше. Многие так и остаются в полном неведении о своем предназначении. Бросив, или лучше сказать: выронив пророческое слово, пророк, не подозревая о сделанном, идет дальше. Узнать их, разосланных по городам и весям, тоже дано не каждому, а лишь тем, в кого Господь также заронил крупицу пророческого дара. По этой крупице, отражаясь в ней как в зеркале, пророк бессознательно определяет, что перед ним тот, с кем следует поделиться пророчеством. И под видом разговора, дружеской приятной беседы делится сокровенным, чаще всего и не подозревая об этом. То есть, строго говоря, пророк рождается в тот момент, когда он, говорящий, сливается с внимающим. И перестает им быть до следующей подобной встречи. Ну а внявшим отводится роль исполнителей. Такая

вот конспирация. О самом пророчестве, о том, в чем оно заключалось, говорить Витюша отказался. Покружив вокруг этой темы и ничего не добившись, Чернецкий спросил:

– А что значит очищение, о котором ты говоришь? Очищение от чего?

– От мерзости.

– Ну и какая такая мерзость у нас, здесь?

– Страхнины, – ответил Витюша и демонстративно поморщился. Очевидно, он был знаком с недавним гнусным слухом.

– Оба?

– Все.

– Хм.

– Чоботов, – добавил Витюша, и вдруг, судорожно вскинув лицо, словно вынырнув – обычное его движение, – требовательно спросил: – Где ответственность художника? Где она? В чем?

– Ты о ком сейчас?

Но Витюша уже опять опустил голову и замкнулся.

– Можно поподробней?

Витюша отвечать не стал, и тогда Чернецкий спросил:

– И какова, по-твоему, их судьба? Что с ними должно произойти?

– Они исчезнут. Когда придет время. Как тени. Когда начнется движение.

– Какое движение, чего?

Витюша отвернулся к окну.

Итак, Витюша Ткач действительно находился во власти какой-то еще до конца не перебродившей в нем идеи, и в этом смысле мы, кажется, вовремя спохватились. По-видимому, заблудившийся актер был принят Витюшей за одного из тех пророков, о которых он говорил. Романтическая обстановка встречи: ночь, гроза, наверняка яркая речь пришельца – всё это могло поразить его воображение.

Закончил рассказ Чернецкий желанием непременно актера найти и с его помощью попробовать Витюшу расколдовать, чтобы не кусать потом локти.

– Не чужой же он нам, а значит, мы за него в ответе, – сказал он (его отсылка к Экзюпери, как еще увидим, оказалась пророческой).

Расходы Чернецкий брал на себя. Мне затея, не говоря уже о весьма призрачной возможности её исполнения, казалось зряшной тратой времени и сил, но я доверился его чутью и согласился.

А еще в нашем распоряжении оказалась рукопись, оставленная Витюшей по рассеянности в кухне; сестра её сунула Чернецкому перед уходом. Назывался сей утомительный графоманский опус: «Глубокий ум сна». Диалоги с Шекспиром, Данте, Ньютоном и прочими великими, спешившими поделиться своими мыслями с автором, перемежались с его собственными рассуждениями. Некоторое впечатление на меня произвела вскользь упомянутая лужа пролитой Лермонтовым на дуэли крови, время от времени появлявшаяся по ночам в комнате Витюши, но что это: навязчивое видение или поэтический образ, понять было трудно – однажды мелькнув, она больше в тексте не встречалась. Из забавного: наш городок в полсотни тысяч душ у Витюши, нигде дальше Одессы не бывавшего, превратился в многомиллионный мегаполис и выглядел так: «Многолюден, многоязык, многоглазый, многоликий, многоногий, упрямый и коварный, горбатый, полусырой, ядовитый, символический, угрожающий». И люди в нем «ищут, бегают, хватают, рычат, жалуются, кричат и бесятся... будто я сам разрешил это все, будто я высший из высших и все это через меня, будто сам я током их всех зарядил и пошло и поехало и побежало и помчалось перед моим невозмутимым спокойствием а я на все это смотрю и ничего не говорю». И как же трудно живется в нем автору: «вроде толпы людей а не с кем поговорить, что-то посоветовать, на что-то обратить внимание... Но как

тяжело здесь дышать: смрад, грязь, помои, тухлое мясо, мусор, над всем этим стоит спертый непристойный воздух... И главное никто на это не обращает внимание, будто ничего этого нет, будто все чисто, будто их это не касается, будто это не у них, будто это не с ними, будто это не в ихнем городе, будто это не тут! Но дышать тяжело и надобно обратить на все это внимание и устранить все то что мешает дышать и передвигаться горожанам!.. Что вы понимаете! Все то что у меня здесь под сердцем, нельзя высказать, нельзя передать, нельзя другому почувствовать, сам все чувствую, сам все переживаю, сам все воспринимаю с болью и самому придется под бременем и тяжестью этого бремени нести эту ношу и (если надо) гибнуть». Единственная отрада Витюши в этом жестоком мире – «пшеничноволосяя зеленоглазка» – загадочная сущность, перед которой склоняли головы Великие Мужы, Природа и сама Истина. Являясь по ночам, «она игралась надо мною как дикая какая-то вакханка». Противостоял Витюше довольно невразумительный, безликий, сгустившийся из миазмов страшного города предводитель темных сил, с которым ему предстояло сразиться и победить. Возможно ценой жизни. При благоприятном исходе его ждала награда – зеленоглазка.

Весь текст был напечатан прописными буквами, почти без знаков препинания и часто без пробелов между словами, что делало его похожим на древние письма с их сплошными строками, а также свидетельствовало о том нешуточном накале страсти, с каким он писался, когда не до пробелов и переключений регистров.

Х

Не обошелся без сюрпризов тот вечер и у меня. Едва мы расстались с Чернецким, как я встретил Кирилла Стряхнина, понуро бредущего с сыном со стороны крепости. Вид у обоих был усталый, и в глаза сразу бросалось, что они чужие друг другу.

Как было сказано, услышав о приезде Кирилла, я ждал, что он вот-вот зайдет ко мне или появится у Чернецкого. Однако поразмыслив, что пять с лишком лет немалый срок для молодого человека, да еще пожившего в гуще столичной жизни, набравшегося ярких впечатлений, приготовился к тому, что Кирилл не проявит к нам особого интереса. Так оно и оказалось.

Не зная с чего начать, я напомнил последний вечер, когда мы с ним виделись:

– Ваш кровавый гиньоль о Катигробах произвел тогда большое впечатление.

Он, улыбаясь, замялся, пожал плечами.

Я подумал, что он, должно быть, уже забыл о том далеком выступлении и мог отнести мою фразу к своим комиксам с теми же персонажами, но уточнять не стал.

Далее я стал задавать ему подходящие случаю вопросы: надолго ли он приехал, какие у него планы, как ему живется в Москве, и на все он отвечал скупыми общими фразами: как получится, пока не знаю, спасибо, ничего. За это время у меня возникло и стало крепнуть ощущение, что передо мной не совсем тот Кирилл Стряхнин, которого я знал. Да, прошло время, люди с годами меняются, а молодые тем более, и все же... При этом внешне, насколько я успел разглядеть в сгустившихся сумерках, он почти не изменился. Вот, правда, голоса его (приобретенный им за эти годы московский выговор не в счет) я не узнавал. Но и помимо голоса было в моем собеседнике какое-то общее несоответствие тому, что я готов был увидеть в Кирилле даже с поправками на все изменения, какие только могли с ним произойти. Усомнившись, а он ли это, я впал в тягостное недоумение, и сам себе напоминал в те минуты моего покойного пса, когда тот полугодовалым щенком не мог вспомнить меня после двухнедельной разлуки и боялся приблизиться, смущенно оглядываясь на стыдившую его мою первую жену. Кстати, мне с самого начала показалось, что и Кирилл меня не узнал, но не подал вида. Могло ли такое быть? И как же мальчик? Так и не сообразив, в чем тут дело, я попрощался, но еще некоторое время продолжал теряться в догадках.

На следующий день, была как раз суббота, я еще не закончил рассказывать об этой странной встрече, как Жарков сказал:

– То был не Кирилл, а его двойник.

– Кто?

– Двойник. Парень, который с ним приехал.

– Не морочь голову, какой еще двойник? Как я мог спутать с кем-то Кирилла, которого знал столько лет?

– Но вот ведь спутал. Говорят, в интернете была акция «Найди близнеца». Жаль только, что двойник приехал не сам по себе, получилось бы куда занятней. А если нужен оригинал, приходи в крепость, там он прогуливается в крепких раздумьях каждое утро. Ох, уж мне эти принцы датские...

Слова Жаркова подтвердила сестра Чернецкого, Анна.

– А как же ребенок? – спросил я.

– А какая ему разница, с кем гулять? Отца-то он никогда не знал.

Самого Кирилла никто из наших, кроме Жаркова, еще не видел. Как рассказала та же Анна, в родной дом его не пустили. О том, что видеть его не хотят, ему сообщил водитель Стряхниных. Говорили, что причиной столь категоричных отказов стало предсказание цыганки, предостерегшей Кирилла Юрьевича от встречи с сыном. Но кем введены были столь жесткие меры относительно Кирилла, его отцом или Алисой, так и осталось неизвестным.

Позже Алиса позвонила Кириллу и разрешила повидаться с мальчиком, но только при условии, чтобы он сам за ним не приходил. (Ребенок, к сожалению, был всего лишь поводом для Кирилла попасть в дом, на деле он проявил к сыну редкое равнодушие: посмотрел на него, когда его привели, и отправил гулять.)

Что ж. Долгий перерыв, сумерки, мальчик – всё вместе сбило меня с толку. Вспомнив свои «собачьи» ощущения, я сказал, что Кирилла мне, конечно, жаль, но затея с двойником абсолютно дурацкая и для знающих его людей оскорбительная. Жаркова мой рассказ развеселил. Посмеиваясь, он добавил, что меня ждут еще кое-какие приятные сюрпризы.

Как обычно у нас водилось, моя история дала повод поделиться похожими всем остальным. А я вспомнил еще и случай совершенно противоположный. Как-то вечером, дело было в Одессе, рядом со мной резко затормозила машина, и выскочивший из нее подвыпивший человек бросился меня обнимать. При этом он сыпал незнакомыми именами, фамилиями, кличками, упрекал меня в том, что я куда-то исчез, а машина за ним нетерпеливо сигналила и рвалась с места. «Давай больше не теряться! Звони утром!» – крикнул он напоследок и уехал. Помню, мне пришло в голову, что это карманник, промышляющий столь дерзким способом, и я бросился проверять карманы, но там всё, слава Богу, оказалось на месте. Больше я его не встречал.

В конце вечера, когда мы уже перебрали несколько других тем, со своим рассказом выступил фотограф Жарков. Историю, когда-то якобы происходившую с его каким-то дальним родственником, он назвал «О блудном коте и его верном хозяине».

– Кот был рыжий, короткошерстный, обыкновенный. Он подобрал его на улице котенком. Когда кот подрос и пропал в первый раз, он, выждав неделю, дав коту нагуляться, стал методично обходить двор за двором и вернул его домой то ли на третий, то ли на четвертый день. Не прошло и полгода, как кот ушел опять. И он опять после недельной паузы искал его дни напролет, пока не нашел. С тех пор так у них и повелось: кот периодически исчезал, а он его рано или поздно возвращал. Иногда поиски затягивались на недели, а то и на месяцы, но в итоге, пусть и на другом конце города, пусть и на самой дальней окраине, он неизменно находил своего рыжего. За это время у кота могли появиться новые хозяева, не желавшие расставаться с любимцем, и тогда в ход шли уговоры, деньги, а если это не помогало, то угрозы и кулаки. В связи с последним его хорошо знали в полиции. Бывало, что его появление не радовало и кота – тот не давался, шипел, отбивался, но в конце концов все равно оказывался дома. Бывало и так, что кот сбегал в тот же день или на следующий, и тогда он снова брал переноску, корм и отправлялся на поиски. Всякое бывало. Но он всегда добивался своего – кот возвращался домой. Так происходило все сорок с лишним лет, вплоть до самой его мирной и естественной кончины. И в ту последнюю минуту его кот, молодой и здоровый, был рядом с ним.

XI

В Одессе на след актера, которого мы подозревали в дурном воздействии на Витюшу, я вышел быстро. Оказалось, что в День города в городке выступали кукольники, и я отправился к ним. Тихий, моложавый, совершенно седой директор, настороженно встретивший меня в маленьком прохладном фойе, сразу же сказал:

– Кажется, я догадываюсь о ком вы говорите. Игорь Свистунов.

Тут, правда, след и обрывался. Месяц назад Свистунова уволили, в штате он не состоял, поэтому никаких его координат, кроме телефона, который не отвечал, не было. Как бы извиняясь, директор поведал мне следующее:

– Театр у нас новый, коллектив еще не сложился, был трудный период, вот и взяли по рекомендации. Так-то он человек очень талантливый, с фантазией. Самородок. Я уже не говорю, каких он кукол делает. А по жизни, конечно, человек совсем неприкаянный. Живет где придется. Ну и выпить любит. Что еще? Ходок. Просто сумасшедший успех у женщин. Не у всех, у определенного, так скажем, психотипа, но все равно удивительно. Не знаю, чем он их берет, если увидите, сами убедитесь – посмотреть не на что. Что касается его последней выходки. Он всегда любил импровизации, и мы многое ему спускали на взрослых спектаклях. Но когда он перепутал с пьяных глаз утро с вечером и на детском спектакле начал муссировать тему связи... – даже не знаю какое этому подобрать определение – Емели со щукой, а потом и с печью, и не то чтобы намекать, а демонстрировать... ну, тут уж знаете... пришлось расстаться.

– Мне бы его фотографию, – попросил я.

– Чего нет, того нет, – грустно ответил директор, – но вы можете зайти к Виолетте, его знакомой, может у нее? Тут, через дорогу.

Дома Виолетты не было. Я переночевал в Одессе, как того требовали мои основные дела, и в середине дня повторил попытку. Меня встретила высокая женщина лет тридцати пяти и проводила в темную тесную гостиную.

Все время пока я рассказывал о цели визита и пытался узнать, как мне найти Свистунова (невозможно было понять, какие их связывают отношения), она вела себя так, будто в квартире находился и, возможно, наблюдал за нами еще кто-то. Невольно ожидая, что этот кто-то, которым мог оказаться и сам Свистунов, вот-вот войдет, я то и дело терял нить разговора. А эта мастерица саспенса и дальше продолжала таинственно улыбаться, к чему-то прислушиваться и бросать взгляды по сторонам. На повторный вопрос (первый раз я ответа не дождался), где бы сейчас мог быть её знакомый, Виолетта мечтательно произнесла:

– Влад – он как ветер...

Но где гулял этот ветер, так и не сообщила, а отвечая на мои уточняющие вопросы, напустила опять такого туману, что оставалось лишь гадать: она не знает, где он, или же не желает сообщать? И стоит ли мне надеяться? «Какая душная женщина, однако», – подумал я и спохватился:

– Пойдите! Его разве не Игорем зовут?

– Он предпочитает, чтобы близкие называли его Владом.

«Не говорим ли мы вообще о разных людях?» – усомнился я.

– Он и мне хотел имя поменять, хитрец, – она сладко улыбнулась. И наконец сообщила: – Сказал, будет в понедельник.

Я спросил насчет фотографий. Фотографий не было. Я поднялся.

– Но есть кукла.

– Кукла?

– Да, кукла. Его кукла.

– Спасибо, но зачем мне кукла?

– Это не просто кукла. Это *его* кукла. Автопортрет.

Виолетта вышла в другую комнату, и спустя минуту оттуда донесся тихий перестук и глухой перезвон елочных игрушек в картонной коробке – кто ж из людей моего возраста не помнит этот звук?

– Когда мы были еще втроем (хм, что бы это значило?), он сделал на Новый год под елку нас троих: меня, мужа и себя, – сказала она, появившись. – Вот.

И протянула мне тряпичную с деревянной головой куклу сантиметров в тридцать.

– То есть вот это – он?

– Да.

– И насколько он здесь похож?

– Очень. Даже вот, видите, родимое пятнышко у виска. Ему тут тридцать четыре. У него как раз день рождения в январе.

Я повертел в руках машущую руками куклу, которая чуть что складывалась в поясе, и то была земные поклоны, то так же легко откидывалась назад. Кукла и кукла; с обычным кукольным личиком. Узнать по ней живого человека можно было разве что по свисавшей на правый глаз челке из конского волоса, бакенбардам и шляпе на затылке. На предложение её продать Виолетта ответила категорическим «нет». Давать под какой-нибудь залог также отказалась. Тогда я попросил разрешения сфотографировать.

– Сфотографировать можно. Пожалуйста, фотографируйте.

Я встал, поместил куклу в освободившееся кресло и сделал телефоном несколько снимков разной крупности и в разных поворотах.

С этим уловом я на следующий день пришел к Чернецкому и, надо сказать, чувствовал себя глуповато, пока показывал фотографии. Попутно рассказал о том, что удалось узнать, и поинтересовался, стоит ли нам связываться со столь веселым персонажем. Чернецкий усмотрел в этом, наоборот, плюс: вот, дескать, пусть Витюша и разглядит спокойно, при дневном свете, того, с кем провел ночь в обстановке романтической бури. Что ж, мне оставалось только согласиться, и мы отправились к сестре Витюши, которую нашли на заброшенной железнодорожной ветке в окружении пасущихся коз и овец.

Держась левой рукой за рог одной из питомиц, а правой вытягивая из её шерсти репей, она выслушала мои объяснения, после чего я предъявил фото. Приблизив лицо к телефону, сестра сказала:

– Похож.

Я облегченно вздохнул, совершенно выпустив из виду, что теперь мне придется этого человека отыскать и привезти.

Неожиданно Людмила Ткач предложила показать нам комнату брата, который, подрадившись на какую-то авральную работу, собирался заночевать в Затоке, и мы, конечно же, согласились. По дороге я позвонил директору театра и Виолетте и оставил им для Игоря Свищунова сообщение с просьбой выйти на связь.

В темной из-за закрытых ставен комнате Витюши сестра включила свет и, постояв на пороге, пошла доить коз.

Перед нами было скудно обставленное холостяцкое жилище: койка, шкаф, стол. На столе – древняя разболтанная машинка «Москва» с круглыми фарфоровыми в медных ободках клавишами (её, оставленную в моей одесской квартире прежними хозяевами, подарил Витюше я), стопки бумаги и книги, книги, книги. На стене над столом красовалась размашистая, малярной кистью по голой штукатурке надпись: «Победа Победителю».

– Ника – Виктору? – пробормотал, глядя на нее, Чернецкий.

– Так вот, значит, кто она – «пшеничноволосая зеленоглазка», – отозвался я.

И еще одно. Но это скорее из области курьезных совпадений: как только сестра включила свет, мне в глаза бросилось темное пятно на полу между столом и окном. Я молча указал на него Чернецкому. Тот не понял, и я отложил объяснение до выхода на улицу.

Находились мы в комнате совсем недолго: всё в ней настолько дышало горькой тщетой безнадежно одинокого человека, что наше любопытство – осторожное и вполне уважительное – нам самим показалось неуместным.

– Да, но когда он успел... как бы это сказать... так сильно увлечься Никой? – задумчиво проговорил Чернецкий, когда мы уже шли по улице.

А в самом деле? Её не было в городе около пяти лет. Неужели она тогда настолько поразила его воображение, что и спустя годы...

– Портрет, – вспомнил я. – Её портрет у Вяткина – вот где он её видит. Когда приходит за книгами.

XII

Витюшин опус, кроме двух последних страниц, где упоминалась зеленоглазка, Чернецкий дал почитать Вяткину и Жаркову, чтобы услышать их мнение. Вяткин нашел текст непосредственным и поэтичным. Жаркову не хватило в нем безумия.

Кстати, и тот, и другой нашей с Чернецким затее не одобрили, что, однако, не помешало им схлестнуться. Бывший в тот день в ударе Жарков сказал:

– Мне нравится эта история. Похоже, что приблудившийся актер уловил и перевел на человеческий язык запрос Витюши, оформил то, что тот представлял лишь размыто. Ну и добавил кое-что от себя. К тому же, в его лице Витюша нашел наконец того, кого искал. А может, и не искал, но после встречи с ним оказалось, что искал. Я только боюсь, что вы всё испортите. А мне хотелось бы дожидаться от Витюши чего-то фундаментального, какого-нибудь Откровения Кукольника или Книги пророка Свистуна. Я в него верю. Хочется какого-то движения, новых имен, событий. А то как-то сухоовато у нас в новейшей истории.

– Да что ж ты такой неугомонный, Саша, – усмехнулся на сетования фотографа Вяткин, – всё б тебе шутить да ёрничать.

– А тебе брюзжать, – не поворачиваясь, весело отозвался тот.

– У меня вот знакомый недавно помер, – продолжил Вяткин в той же неторопливой, несколько ворчливой манере. – Стали мы с его вдовой искать какую-нибудь фотографию попримечней, выставить с траурной лентой, и что ты думаешь? Не оказалось ни одной, где бы он не гримасничал. Какую ни возьмешь – везде он с вытаращенными глазами и с перекошенной физиономией. Так и не нашли, представляешь? Мораль: шути, да знай меру, а то так и останешься в памяти народной шутком гороховым.

На что Жарков возразил:

– Я, дядя Ваня, сапожник без сапог, потому никаких моих фотографий ты у меня не найдешь, хоть общись. Надеюсь, у тебя с этим всё в порядке. Если нет, ты только свистни – подготовим скорбную серию на случай. Это во-первых. Во-вторых, мне совершенно наплевать, что там и у кого останется обо мне в памяти. И в-третьих, для меня жизнь пестрое цветение, а не затхлое прокисшее болото.

Дав отповедь оппоненту (и я позже, если не забуду, объясню, что значило брошенное им «хоть общись»), Жарков повернулся к нам.

– Я вот тоже кое-что расскажу. Про подгорельцев не слышали? О, это дивная история! В стиле ренессансных новелл. Я такие собираю. Представьте: небольшой, вроде нашего, городок, только где-то на севере, а в нем недавно образованная община. Во главе общины заезжий пастор, молодой человек с характерными заокеанскими интонациями, большой импровизатор и любитель завести публику. Одно слово: шоумен. И что не служба, то у него разборки с князем тьмы. «Сатана, мы тебя презираем! У нас нет к тебе никакого уважения! И знаешь почему? Потому что мы уже спасены, аллилуйя! А ты просто жалкий неудачник! Убирайся и забирай с собой свой страшный ад! Мы его не боимся! Нам он – не страшен!» И всё в том же духе. Однажды, будучи в ударе и пропаяничав так всю службу, он выдал под занавес залихватскую речёвку: «Страшный ад, иди в зад!». Её подхватили все остальные участники собрания, и дальше это перешло в продолжительное хоровое скандирование с хлопаньем в ладоши, топаньем и улюлюканьем, под бурный аккомпанемент электрооргана. Наскакавшись и накричавшись вволю, усталые и довольные разошлись по домам. Вечер провели в тихом приятном отдохновении, как всегда после собраний. Поужинали, посидели у телевизоров и легли спать. Сон однако оказался недолгим, и ровно в полночь все, как один, были разбужены грубым вторжением в их, скажем так, телесные пределы чего-то постороннего, от раскаленного присутствия которого уже очень скоро глаза полезли на лоб. Как говорится: звали? Встре-

чайте! Метавшиеся в ту ночь по городу врачи неотложек только растерянно разводили руками: *там*, куда их от вызова к вызову умоляли заглянуть, всё было в порядке. Я бы сказал, ничего лишнего. Не получив помощи от медиков и не в состоянии больше терпеть адскую боль, несчастные, не дожидаясь утра, подпрыгивая и приплясывая, потянулись к молельному дому. Вскоре туда прибыл и их не менее измученный пастор. В коллективе жжение, войдя, видимо, в некий inferнальный резонанс, усилилось до невыносимого, так что обсуждение срочных мер то и дело оглашалось истошными криками. Подгоняемые этой пыткой, они в считанные минуты (дольше всего, секунд сорок, занял выбор обращения: «добрый» или «милый») сошлись на решении, которое, впрочем, напрашивалось само: так же, всем миром, как они приглашали в себя ад, попросить его их оставить. За исключением некоторых особо страдающих, оставшихся сидеть на снегу, все прошли в молельный дом. Стали просить. Сначала глухо, с некоторым смущением, продолжая стенать, вскрикивать и подвывать, но постепенно приладились друг к другу, разошлись, распелись, и что вы думаете? Дрогнула геенна огненная. Отступила. Сошла на нет, точно её и не было. Не веря своему счастью, они еще долго, чтобы как следует закрепить результат, оглашали округу дружным: «Милый ад, покинь зад!», а расчувствовавшийся проповедник, терзая на радостях орган, всё повторял и повторял рефреном: «По-жа-луй-ста!» И только с первыми лучами солнца совершенно обессиленные, но вразумленные, они разбрелись по домам. С тех пор их стали называть «подгорельцами».

– Тебе *таких* историй у нас не хватает? – удивленно спросил Чернецкий Жаркова, когда тот закончил.

– И таких тоже.

Чернецкий пожал плечами.

– По-моему, у нас есть кому компенсировать их нехватку. И он с этим вполне справляется.

Всем было понятно, что Чернецкий имел в виду Антона Чоботова. Вспомнить о нем в тот вечер пришлось еще раз, когда заглянувший Изотов поделился с нами последними городскими новостями. Сначала он рассказал о появившихся на доме Стряхниных с приездом Кирилла двух черных крестах (с месяц назад там кем-то уже был намалеван один, его стерли), а следом сообщил, что шумная московская компания младшего Стряхнина за считанные дни успела накуролесить здесь так – с голыми плясками, битьем окон и драками с соседями, – что уже два раза меняла жилье и, не найдя его в третий, почти в полном составе укатила в Одессу, а Кирилл с двойником перебрались – куда бы вы думали? К Чоботову.

– К Чоботову?! – вырвалось у меня.

ХІІІ

Что ж, пришло, пожалуй, время сказать несколько слов и о нем, нашем известном писателе. С отвращением приступаю.

Как и Кирилл Стряхнин, родился Антон Чоботов в семье военного. Но если отец первого был отставным офицером-десантником, то отец второго всю жизнь тянул лямку старшины в строительном батальоне. Эта разница – цвет армии, белая кость и «чумазый», чернопогонник – как мне кажется, сразу задала тон их отношениям. А кроме того, Кирилл был ярко и разнообразно одарен, Чоботов же только тужился. Первый не знал счета деньгам, второй был гол как сокол (я, например, с самого начала видел в нем бесстыжего прилипалу). Не удивительно, что верховодил в их паре Кирилл, хотя Чоботов был года на два, а то и на три старше.

В ту пору, когда Кирилл учился в Одессе и приезжал сюда только на выходные, Чоботов продолжал посещать литературные посиделки у Чернецкого. Его искусственные вирши, как он ни старался их разукрасить и оживить, всегда оставляли впечатление блеклых вымученных переводов. Узнав о том, что я определил стихи Стряхнина в газету, он предложил мне свои, я отказал, хотя мог бы, наверное, опубликовать и их. К тому же, каюсь, ясно дал ему это понять. Так что, как видите, хорошим отношениям между нами неоткуда было взяться. С годами наша взаимная неприязнь лишь усиливалась.

Успех Чоботову принесла его кровавая, напичканная всяческими гадостями и ужасами проза, но в городке он сначала прославился совсем не ею. Произошло это спустя несколько месяцев после женитьбы и отъезда Кирилла. Мне бы совсем не хотелось углубляться в личную жизнь последнего, но тут, видимо, без этого не обойтись, так что я остановлюсь на ней вкратце.

Шесть лет назад Кирилл метался между двумя нашими первыми красавицами, Алисой Тягарь и Никой С. И та, и другая готовы были ответить, да и отвечали ему взаимностью. Пикантная подробность: Ника была на четыре года младше Кирилла, а Алиса на столько же его старше, и успела поработать в школе, где наводила ужас на старшеклассниц. Что-то в ней и тогда уже было от большой красивой змеи, и именно так, змеей её и прозвали: ужалить она умела, как никто другой, а данные ею клички приставали к несчастным намертво. Её соперничество с Никой закончилось в тот день, когда она сообщила Кириллу, что беременна.

За всеми этими перипетиями очень внимательно наблюдал из своего угла Чоботов, влюбленный по уши в Нику, и как только Кирилл остановил выбор на Алисе, открылся своей избраннице. То ли от отчаяния, то ли рассчитывая вернуть таким образом внимание Кирилла, Ника благосклонно ответила на ухаживания Чоботова, так что во всем произошедшем далее есть и её вина. Их отношения ограничились несколькими встречами, и в день свадьбы Кирилла и Алисы были Никой грубо, без объяснений разорваны. После безуспешных попыток их возобновить Чоботов вернулся к своей прежней девице и скоро на ней женился. И вот, когда страсти вроде бы улеглись, Чоботов отомстил Нике самым гнусным способом. Он написал и издал роман, в котором, как говорят, описал историю их непродолжительных отношений.

Назывался он «Сороконожка», предварялся посвящением: *Памяти Ники С.*, и с первой же страницы, да что там – с первых же строк! – бил наповал. Чем бы вы думали? Именем главной героини. Я, например, ничего подобного прежде не встречал. Кстати, только это имя и стало непреодолимым препятствием для публикации в известных издательствах, углядевших в чоботовской прозе некоторые художественные достоинства, но поменять его на другое или хотя бы сократить Чоботов ни в какую не соглашался, и в конце концов выпустил книгу небольшим тиражом за свой счет.

Вот оно, полное имя главной героини:

Бессердечная Глухая Стерва Никогда Не Знаящая Ни Любви Ни Жалости Ни Сострадания Грязная Тупая Гадина Почему-то Вдруг Решившая Что Весь Мир Должен Крутиться

Исключительно Вокруг Её Вертявых Бедер Жадная Ненасытная Паучиха Готовая Высосать Досуха Любого Попавшего В Её Липкую Паутину Запредельная Конченная Триждыпроклятая Триждытварь.

Каково? Надеюсь, вам уже не кажется, что я чересчур пристрастен к нашему сочинителю? И еще. Знаете, может быть, я слишком прямолинеен, но подобные вещи я обычно невольно примериваю на себя и своих близких: что если бы на месте Ники оказалась моя сестра или любимая женщина? Я бы его убил, ей-богу.

В романе выглядело это так:

«Тут зазвонил телефон, и Бессердечная Глухая Стерва Никогда Не Знаящая Ни Любви Ни Жалости Ни Сострадания Грязная Тупая Гадина Почему-то Вдруг Решившая Что Весь Мир Должен Крутиться Исключительно Вокруг Её Вертявых Бедер Жадная Ненасытная Паучиха Готовая Высосать Досуха Любого Попавшего В Её Липкую Паутину Запредельная Конченная Триждыпроклятая Триждытварь, извинившись перед собеседницей, полезла за ним в сумочку».

Или:

«Пряча цветы за спиной, Владимир неслышно подкрался к Бессердечной Глухой Стерве Никогда Не Знаящей Ни Любви Ни Жалости Ни Сострадания Грязной Тупой Гадине Почему-то Вдруг Решившей Что Весь Мир Должен Крутиться Исключительно Вокруг Её Вертявых Бедер Жадной Ненасытной Паучихе Готовой Высосать Досуха Любого Попавшего В Её Липкую Паутину Запредельной Конченной Триждыпроклятой Триждытвари и, за секунду до того как та обернулась, беззвучно, одними губами произнес:

– Любовь моя, счастье мое...»

Эта злобная долгая, числом в сорок четыре слова, тирада, так и бившая в глаза, кричавшая по несколько раз с каждой страницы, встречается в тексте больше тысячи раз (что, между прочим, автоматически увеличило его объем примерно на полсотни тысяч слов). А весь – небольшой, если брать его в чистом виде – роман, естественно, был развернутым комментарием и иллюстрацией к приведенному списку имен. Так говорили. Впрочем, и те, кто говорили, роман не читали. Да и кто бы мог его в таком виде прочитать? Не для того он был написан.

На плохонькой, чуть ли не газетной бумаге отпечатанная, неряшливо сброшюрованная, пухлая «Сороконожка» стараниями автора появилась сразу в двух книжных магазинах городка, а также в магазинах и на книжном базаре Одессы. То, что в больших городах и не заметили бы, или заметили бы лишь краем глаза, в небольших производит эффект упавшего метеорита. Это было что-то настолько и до такой степени ни с чем не сообразное, неслыханное, невозможное, что мы в городке были буквально ошарашены чудовищной выходкой Чоботова. Многие, включая меня, перестали с ним здороваться, ну и дом Чернецкого был, конечно, с того дня для него закрыт.

За честь Ники, которая, говорят, чуть не свихнулась от горя, вступился её брат, пообещавший Чоботова убить. Чоботов бежал в Одессу и там нанял каких-то лихих ребят, которые приезжали сюда по голову брата. Скрывшись от них в той же Одессе, тот стал искать Чоботова там, попал в какую-то поножовщину, с Чоботовым не связанную, и угодил за решетку, а сама Ника уехала от позора в Москву. В общем, творилось черт-те что. Кстати, вернулся брат Ники законченным негодяем – и это тоже на совести Чоботова. Впрочем, сам сиделец, почувствовавший вкус к тюремной жизни, зла на него не держал, тем более что непосредственной вины Чоботова в том не было.

XIV

Помню, как на следующий день после появления книги на заборе чоботовского дома появилась неоконченная – судя по брошенным в траве банке с краской и кисти, вандала спугнули – надпись аршинными белыми буквами: «ЧОБОТОВ – ДО». Шутник Жарков тогда предположил, что загадочное «ДО» было началом неоконченной фразы «ДОСТОЕВСКИЙ НАШИХ ДНЕЙ» и часто потом называл писателя: Чоботов До. А насчет романа он как-то сказал:

– Это самое многословное признание в любви из известных мне. В этом есть что-то религиозное.

– Согласен, – поддержал его Чернецкий.

– Что-то от страстных горячих молитв, бесконечного их повторения или шаманских заклинаний.

– Согласен, – повторил Чернецкий.

Соглашусь и я: какой еще огонь мог так яростно жечь автора, выведившего эти тысячи слов, но... Ревность тоже, знаете ли, есть некая искаженная форма любви, однако же за убийство или нанесение увечий из ревности судят и сажают в тюрьму.

Среди защитников Ники неожиданно оказался Стряхнин-старший, известный, кроме всего, привычкой чуть что хвататься за оружие; исчислявшееся десятками стволов, оно к тому же везде, где бы он не находился, было у него под рукой – в бардачке машины, под подушкой, в ящике письменного стола. Крепко выпивший, он однажды возле центрального рынка выскочил из машины, поймал проходившего мимо Чоботова за воротник, развернул к себе и ткнул ему стволом в лоб. А дальше произошла странная заминка: Кирилл Юрьевич, по всей видимости, забыл, о чем собирался говорить, и они простояли так довольно долго, собирая вокруг себя на некотором отдалении осторожную толпу зевак. Это молчаливое стояние с приставленным к голове пистолетом, которое в ту минуту неизвестно чем могло закончиться, побелевшему, как скатерть, Чоботову наверняка обошлось не в один десяток седых волос. Наконец, вспомнив, Стряхнин потребовал, чтобы книга немедленно исчезла с прилавков нашего городка. Что и было в считанные часы исполнено. (И это, увы, всё наказание, которое Чоботов понес. В той же Одессе, да и, надо полагать, не только, книга продолжала продаваться.) Кончил Стряхнин тем, что, крутанув писателя за ворот, повалил его, безвольного, на четвереньки и с возгласом «Пошел вон!» отвесил ногой по заду. (Здесь мне бы хотелось кое-что добавить. Помните тот кровосмесительный скандал? Так вот, незадолго перед ним в гостях у Тягарей, в их круглосуточно гудящем притоне не один раз видели Чоботова. Доказать, что это он сочинил тот отвратительный слух в отместку Кириллу Юрьевичу за унижение, сейчас уже невозможно, но я почти уверен: докрутить и без того малопрстойную историю с девицей, понесшей сначала от сына, а потом от отца, еще и до такого кровосмесительного абсурда, способен был только Чоботов.)

Кстати, поговаривали, что Алиса Стряхнина, наоборот, книгой очень заинтересовалась и во время тайной встречи с Чоботовым предлагала, и весьма настойчиво, переиздать «Сороконожку» в более удобочитаемом виде, выбрав из списка имен главной героини какие-нибудь два, например заключительную пару. Чоботов отказался. Говорили еще, что у них тогда же завязался было, но быстро заглох роман – верилось в это с трудом, но слухи красавицу Алису никогда не щадили. Спустя какое-то время «Сороконожка» была-таки пиратски издана в отредактированном виде, но судя по тому, что издатели не нашли ничего лучшего, как назвать героиню Никой, обошлось это без участия Алисы.

Что представлял собой Чоботов-писатель в августе 201... года? Я не слишком пристально слежу за новинками литературы, но краем глаза все-таки наблюдаю, что в ней происходит,

и скажу, что такого рода сочинителей, соревнующихся между собой в писании мерзостей, сейчас хватает. Только в Одессе я знаю двух. Думаю, такие есть в каждом городе. И ведь сколько уже подобного понаписано, и вроде бы уже и границ-то таких, которые бы не были перейдены, не осталось, и все какие ни есть табу уже кажется порушены, а они всё не могут успокоиться, всё пишут и пишут, и пишут, всё кого-то поразить хотят. Удивительные люди. Чем же тогда выделялся наш Чоботов, чья известность к тому времени уже, как говорят в таких случаях, шагнула за пределы городка? Знающие толк в литературе люди, Жарков например, утверждали, что Чоботов, в отличие от многих, умел лихо закручивать сюжеты, а кроме того щедро приправлял свои истории всякого рода мистической дребеденью, и часто наравне с живыми героями в его творениях бесчинствовали всевозможные призраки, эфирные двойники, восставшие из мертвых, и прочая нежить. Не читал, не знаю. Знаю зато, что по части абстрактного мышления народ в провинции все-таки еще отстаёт от столиц и больших городов. (Всегда было загадкой, почему Чоботов сидит в городке.) И когда, к примеру, герои романа (уж простите мне такие подробности) подкрепляются экскрементами, провинциальные читатели по простоте душевной воспринимают автора как человека не чуждого опыта подобных застолий. Я и сам из таких наивных читателей. Так что в городе Чоботова не очень привечали. Тот же неистовый Цвиркун клеймил его порнографом и дерьмоедом и требовал изгнать из города вместе с Чернецким и Стряхниным. И только беспробудно пьющие Тягари, к которым Чоботов иногда захаживал, видимо развеяться и набраться свежих впечатлений, встречали его как дорогого гостя, поскольку приходил он не с пустыми руками, а с известного рода гостинцами.

Что еще сказать о нем? С виду скромный благообразный отец семейства: жена и трое, мал мала меньше, белобрысеньких детишек. В быту рачительный хозяин. Подруга его жены говорила, что скуп необычайно и до маниакальности подозрителен. Правда, рассказывать она это стала после того, как Чоботов, по слухам, поймал её на воровстве. Словом, снаружи всё как у людей. Но: расчлененные тела, каннибализм, инцест, некрофилия, вампиризм, травматическая содомия, копрофагия, свальный грех... – этот далеко не полный перечень невольно приходил мне на память каждый раз, когда я видел его идущим со всем семейством в церковь или выходящим из нее. Человек я от религии хоть и далекий, однако понимаю, что церковные врата открыты для всех, и для грешников, может быть, в первую очередь. Вон, известный городской воришка Холодок не проходил мимо собора или армянской церкви не перекрестившись. Но в его набожность я мог поверить, а вот в чоботовскую не получалось.

XV

В один из дней позвонил директор театра кукол и сказал, что разыскиваемый мной Игорь Свистунов пришел забрать вещи, и я, если хочу, могу с ним поговорить.

– Да-да? – деловито осведомился новый голос в трубке и, когда я предложил встретиться, строго спросил: – Это по работе?

– Не исключено, – ответил я.

– Прекрасно! – вскричал мой собеседник. – Уверен, мы договоримся!

Эти преждевременные и слишком уж радостные восклицания Влада-Игоря Свистунова явно предназначались не мне, а стоявшему рядом с ним директору.

В назначенный для встречи день в Одессу ехал по делам Кучер, и я отправился с ним. В восемь утра он уже стоял у моего дома и встретил меня бодрым: «Отличные погодные условия сегодня!» Жара немного спала, но синоптики обещали её скорое возвращение.

Кукольника Свистунова я узнал сразу: лет сорока, с телосложением мелкого подростка, шляпа с узкими полями, туфли на толстой подошве, ну и, разумеется, чёлка. Мы познакомились, и на мое предложение съездить поговорить и, возможно, кое-что заработать он махнул рукой.

– А поехали!

В его развинченной подвижности было что-то от куклы, которую я недавно держал в руках, и, казалось, ему ничего не стоит подобно ей сложиться вдвое хоть в ту, хоть в другую сторону. А когда, открывая дверь машины, он галантно посторонился перед проходившей мимо девицей и проводил её веселым взглядом, вспомнился отзыв о нем директора театра, назвавшего его ходяком.

Поездка оказалась нескудной. Кукольник и минуты не мог усидеть на одном месте, вертелся волчком и болтал без устали. У детей такое поведение называется синдромом повышенной активности.

– Какая красотень! – воскликнул он, когда мы выбрались за город и по обе стороны от дороги до самого горизонта потянулись поля кукурузы в желтых лохмотьях. – Сейчас бы мольберт на плечо и – на пленэр!

– Вы еще и живописец? – спросил я.

– Было дело. Посещал училище вольнослушателем.

Убаюканный шумом машины и его рассказами, я было заснул, но очнулся в холодном поту от оглушительного рёва над ухом. Оказывается, за это время Свистунов успел созвониться с режиссером, в анимационном фильме которого собирался озвучивать осла, и продемонстрировал ему свои способности.

Выбившись, наконец, из сил, он и сам задремал, но тоже как-то на скорую руку – затих на полуслове минут на десять, дернулся и проснулся.

Когда мы подъезжали к мосту, справа от которого открывался грязновато-зеленый лиман, а слева – уже по-осеннему синее море, с головокружительно четкой, словно прочерченной острым грифелем линией горизонта, позвонил Чернецкий узнать, где мы находимся. Вероятно, вспомнив подобранного Кучером актера, осторожно поинтересовался, нет ли признаков политической озабоченности у нашего гостя, и получил ответ, что на сей счет он может быть совершенно спокоен. И действительно: за всю поездку кукольник о чем только не говорил, но вот политики не коснулся ни разу.

Кучер подвез нас к моему дому. Я на всякий случай указал гостю ориентир – кирпичную водонапорную башню, переделанную (мне предстояла еще одна важная и, как я предполагал, деликатная встреча), и мы пешком отправились к Чернецкому, где нас уже ждал накрытый стол.

XVI

О встрече с Витюшей, когда, поговорив о том о сем, перешли на нее, Свистунов сообщил немного. Познакомились они, когда кукольник отправился искать ушедшего за вином товарища и оказался в незнакомом месте. По нашей просьбе он стал рассказывать в подробностях о тогдашней гастрولي, начиная с самого приезда.

– «Маленького принца»? – вмешался в его монолог Чернецкий. – Вы сказали, что в тот день показывали «Маленького принца»?

– Да.

– Очень хорошо. Там ведь должен быть эпизод, где речь идет об уборке планеты? То есть меня интересует, в вашем спектакле он был?

– А как же! Это ж воспитательный момент. У нас там пылесос, швабра, все дела, моющие средства...

– А не могли вы развить какую-нибудь импровизацию на эту тему?

– Сейчас, здесь?

– Нет. Тогда, там. У Витюши. В тот вечер.

Свистунов понимающе шурясь, запрокинул голову.

– То есть вы спрашиваете, мог ли я под этим делом, – он звонко шлепнул себя тыльной стороной ладони по горлу, – что-то наплести на тему уборки?

– Именно.

– Хм. Дайте подумать. Я вообще-то много чего могу. И тому есть масса свидетелей. Но здесь вот сомневаюсь. Человек в гости пригласил, а я буду его по его же углам тыкать? Да и вообще, не моё это – морали читать, извините.

Чернецкий стал объяснять, какого рода импровизации имел в виду.

– А! – обрадовался кукольник, – в широком смысле! Как бы в философском, да? Несовершенство мира, всё такое... Я понял, понял. Нет, ну такое мог бы, конечно. Тут меня хлебом не корми. А что? Кто ж, выпив, не любит поговорить? Но вот всё-таки насчет этого конкретного случая – чего не помню, того не помню. Зело был пьян, извините. Прямо до какого-то беспамятства. Долго потом так не укушивался. А что стряслось-то?

– Дело в том, что у парня, о котором мы говорим, и так мозги набекрень, так вы, похоже, ему еще и добавили, совсем их на сторону свернули, – сказал я напрямую.

Дальше Чернецкий взялся описывать, как встреча с кукольником (утверждать наверняка мы не могли, но скорее всего она), отразилась на Витюшиных образе мыслей и поведении. Иногда слово-другое вставлял и я. То и дело отводя падающую на глаз чёлку, гость с готовностью поворачивался то к Чернецкому, то ко мне.

– Вот это может быть! Спорить не буду! Но такая у меня профессия – не оставлять зрителя равнодушным! – горячо согласился он, когда мы закончили. – Я же вас вижу – нормальные люди, я вам верю. А за собой давно знаю: такое иногда начинаю плести! Потом рассказывают – сам в шоке. Я этим закидонам и название придумал – творческий вечер. Хотя тоже, знаете... Не всё так однозначно. Иногда думаю: а вдруг в самом деле что-то через меня идет? А что? Почему нет? Пограничное состояние, то сё... верхние чакры пооткрывались и что-то там из астрала тянут, сосут из космоса напрямую...

План действий у нас был самый немудреный – снабдив Свистунова некоторой суммой командировочных, поселить его у Витюши с сестрой. Чернецкий все-таки полагал, что главную роль тогда сыграли обстоятельства встречи, и нынешнее, не в пример прошлому, прозаическое появление кукольника отрезвит Витюшу. Легенда была выбрана такая: решившему немного отдохнуть от шумной Одессы артисту захотелось остановиться у людей, уже однажды

оказавших гостеприимство. С сестрой всё заранее было обговорено. Не пришлось уговаривать и услышавшего о вознаграждении нашего гостя.

– А давайте! – залихватски махнул он рукой. – Работы у меня на ближайшее время все равно нет. Пусть поищут, побегают, если приспичит. Будут знать, как...

– У меня настоятельная просьба, – сказал Чернецкий. – Только не вздумайте заводить с Витюшей разговор на эту тему. Просто живите, отдыхайте. Ну и, если можно, с некоторыми развлечениями поаккуратнее бы...

– Вы про это? – Гость опять хлестнул себя по горлу ставшей сразу неживой, свободно болтавшейся кистью. – Сухой закон!

Еще в машине я обратил внимание на его выразительные, подвижные руки. Даже когда, замолкая, он укладывал их на колени, они не успокаивались и, вероятно в дополнение к сказанному, продолжали дергаться, ёрзать, сходиться-расходиться и выбрасывать пальцы. «Да он одними этими руками, без всяких кукол, мог бы сыграть что угодно», – подумал я и поднялся. В тот день, как я уже сказал, меня ждала еще одна очень любопытная встреча.

На центральной улице, как только я на нее свернул, ко мне бросился двойник Кирилла.

Странь – так в старину называли чужаков и заодно странных непонятных людей. Это слово как нельзя лучше подходило данному персонажу. Я и имени-то его не знал, а между тем ситуация складывалась абсурдная: Кирилла я еще не видел, но уже во второй раз вынужден был разговаривать с его двойником! Из дальнейшего безумного разговора я понял, что он как раз ко мне и направлялся (мой адрес узнать было нетрудно).

Бросившись со всех ног на мою сторону улицы, он запричитал:

– Послушайте, помогите, эта сволочь Чоботов отравляет мне жизнь! Дышать не дает! Унижает! Кидается на меня! Бьет!

Был он, кажется, не совсем трезв. Алкоголь, наркотики – черт их знает, чем они там развлекались.

– Можно пожить у вас?

Я аж задохнулся. Это было что-то уже совсем немыслимое.

– Вы в своем уме?!

– А вы представьте, что с вами сейчас говорит Кирилл. Это я, Кирилл Стряхнин, говорю с вами. Помогите! Вы живете один, и мы бы постарались вам не мешать. Я могу помочь по хозяйству. У вас есть хозяйство?

Я промолчал и прибавил шаг.

– Вы отказываетесь помочь? Ну, почему? Неужели вам всё равно? – крикнул он вслед с надрывом. – Это может плохо кончиться!

Я – человек нормы. И, в отличие от того же Жаркова, терпеть не могу ничего необычного, «остренького». Всё выходящее за рамки меня не то чтобы пугает – я в конце концов пожил и повидал всякое, – но всегда заставляет сторониться. Так было и тогда. Но вот что я успел заметить и, поостыв, припомнил: этот парень действительно выглядел растерянным и не на шутку встревоженным. И что значило его «кидается, унижает, бьет»? Если только он не врал. Это что ж получается – Чоботов в его лице бьет Кирилла? С него, конечно, станется, но – Кирилл? Как он, получая в лице двойника по шее, относится к столь недвусмысленным знакам внимания? Что там у них вообще происходит?

XVII

Гибкая, свежая, загорелая, в сиреневом платье, похожем покроем на тунику, она весело подошла к моему столу и протянула руку. Передо мной была Ника С. Я много о ней слышал, о чем рассказал выше, и, встречаясь в городе, здоровался, но никогда прежде так близко не видел и ни разу с ней не говорил. Когда-то, еще в пору всех тех страстей вокруг Чоботовского романа, я поинтересовался мнением о ней Чернецкого, и он в ответ негромко продекларировал:

Мечтанья девушек красивы,
Полузакрытые цветы,
Но есть мучительные срывы
И цепкий зов из темноты.

Вблизи, с первого взгляда она показалась мне, знавшему об её успехе у мужчин, на удивление невзрачненькой. Но чем дольше длилась наша беседа, тем больше я проникался её обаянием. Впрочем, к делу это не относится. Её звонок с просьбой встретиться показался мне странным, но она была крестницей Вяткина, а это для меня кое-что значило. Я и представить не мог, о чем она собирается со мной говорить.

У нее были зеленые глаза с чуть припухшими и при этом очень подвижными нижними веками, что придавало её лицу выражение постоянной летучей иронии, которая, когда она улыбалась, вместе с необычным, плачущим изгибом губ выглядела неожиданно горькой. При том, что девицей она была скорее смешливой, чем грустной.

Я сразу сказал, что встретил только что и уже во второй раз двойника, а Кирилла до сих пор так и не видел. Пересказывать подробности встречи с двойником не стал.

– Это Козлик. Он милый. Наш друг, поэт. Они познакомились, когда была акция «найди двойника». Кирилл в последнее время вон как изменился, а Козлик ни капельки, такой же как был.

– Кирилл и Чоботов опять нашли общий язык? – осторожно спросил я. Мне все-таки, хоть убей, непонятно было, как мог Кирилл поселиться у автора такой книги о женщине, с которой он жил.

Пожимая плечами, Ника уклончиво ответила:

– Его иногда трудно понять, Кирилла. И вы, наверное, слышали, в какой ситуации он оказался. Всё-таки они когда-то были близкими друзьями, и... Вы простите, что я вас побеспокоила.

Она смущенно замолкла.

Я заверил ее, что она нисколько меня не побеспокоила, и если ей нужна какая-нибудь помощь, я с удовольствием помогу.

– Совет, – сказала она. – Мне нужен совет. Или, может быть, несколько советов.

– Всё, что могу.

Она попросила не рассказывать о нашей встрече Вяткину и сообщила, что Кирилл ищет оружие, о чем ей сообщил Козлик, и ей очень от этого тревожно.

– Боюсь думать, зачем оно ему. Он так мечется, смотреть больно. Кажется, уже сам не рад, что приехал. Я вам скажу по секрету, у него там всё очень плохо. Идет туда с добрыми намерениями, но... И вот теперь еще оружие. Он и так в последнее время немного не в себе. А если человек не в себе, куда ему еще оружие? Собирался в Одессу переехать на время, я только за, но что-то его задержало... не знаю, что делать... Он вас часто вспоминал, говорил, что кроме вас никого здесь и видеть не рад, поэтому я к вам и обратилась.

Что скрывать, мне всегда льстило, что такой известный в городе молодой человек относился ко мне с интересом и уважением, приятно было слышать это и теперь. Я предположил, что Кириллу, может быть, и в самом деле надо попробовать пережить и обдумать всё, что на него навалилось, в некотором отдалении от дома, и на случай, если ему здесь станет совсем невмоготу и он опять соберется в Одессу, предложил свою квартиру.

– Правда? – воскликнула Ника. – Как здорово! Конечно, ему надо сменить обстановку, посидеть одному, спокойно подумать...

На минуту оживившись, она опять погрузилась и о чем-то задумалась.

Поражало её удивительное сходство с братом, известным в городе пьяницей и наркоманом по кличке Зять. У меня чесались руки при одном только взгляде на этого негодяя. Справедливости ради скажу, что та шумная история с «Сороконожкой» прошла по нему, как ни по кому другому. Когда-то пылкий непосредственный юноша, бросившийся защищать честь сестры, попав в тюрьму, изменился там до неузнаваемости. О нем я еще скажу чуть позже. Тогда же, глядя на Нику, отмечая их сходство – те же зеленые глаза, та же печальная, плачущая складка губ, – я думал о том, как один и тот же набор черт может быть и прекрасным, и отвратительным.

Я уже решил было, что ради Кирилла Ника со мной и встретилась, когда она вдруг спросила:

– А вы знаете, что Чоботов мне звонит и просит о встрече?

Странный вопрос. Разумеется, я не знал. Однако она ждала ответа, и мне тогда показалось, что я ей понадобился в роли случайного оракула. Есть такая штука: обратиться в сложной ситуации за советом чуть не к первому встречному в надежде, что тот по какому-нибудь наитию выдаст единственно верное решение. Может быть, она не знала, насколько я посвящен в её дела? Но раз уж она сама пришла за советом, что было скрывать мне?

– И это после всего? – спросил я, имея в виду ту гнусную книгу.

– Вот и я его так спросила, а он сказал, что всё еще поправимо, представляете?

Не рассчитывавший на такую откровенность, я растерялся и, несколько потеряв самообладание, воскликнул:

– Поправимо?! Но как?! Не мне, конечно, судить, но раз уж вы сами обратились... Она, эта жуткая книга, она же уже есть, разошлась по свету – каким образом такое можно поправить?! Этого он вам не сказал?

Кажется, я вышел за рамки. Она, улыбаясь, пожала плечами и сказала:

– В общем, мне придется, наверное, с ним встретиться.

– «Придется»? Он вам угрожает?

– Нет, что вы! Нет. – Она, усмехнувшись, покачала головой. – Он нет.

– А кто?

Ника пожала плечами, достала из сумки листок бумаги и протянула мне.

– Получила на днях.

На листке было набрано прописными буквами: «НЕ СПЕШИ КОЗА, ВСЕ ВОЛКИ ТВОИ БУДУТ».

– От кого это и что значит – не знаю, – грустно промолвила она. – Только, пожалуйста, не говорите дяде Ване.

– Не буду.

– Ему лучше не нервничать. Да, и вот еще... не знаю, может, это мои фантазии, но какой-то странный человек меня иногда преследует.

Я попросил его описать, и когда она закончила, поспешил её успокоить:

– Это Витюша.

Стараясь не принижать нашего рыцаря печального образа, я рассказал немного о нем, его фантазиях, портрете у Вяткина и постарался её заверить в том, что Витюша совсем не тот,

кого ей следует опасаться. А про себя подумал: может и хорошо, что есть Витюша, с такими-то записками.

– Спасибо, – сказала Ника. – А насчет встречи с Чоботовым, это я неправильно выразилась. Я уже сама решила. Я ведь перед ним тоже виновата. В общем, я согласилась. Надо людей прощать, может тогда и нам тоже простят. И хотела вот о чем вас попросить. Не могли бы вы меня подстраховать во время встречи? Побывать, на всякий случай, рядом.

– Скажите: где, когда.

– Еще не знаю. Только, пожалуйста, никому...

– Разумеется!

Я смотрел на нее и диву давался, как всё это умещалось у нее в голове: страх перед Чоботовым с желанием с ним встретиться и со спокойным отношением к тому, что Кирилл живет у её обидчика?

Будто угадав ход моих мыслей, она растерянно потерла указательным и средним пальцами наморщенный лоб и сказала:

– Надо было отговорить Кирилла от поездки. А я уж точно напрасно приехала.

И я еле удержался от вопроса: а в самом деле, зачем она приехала? А впрочем, тут же осадил я себя, почему бы ей было и не приехать сюда, к себе домой, с любимым человеком?

Тут произошло невероятное. Сам не знаю, как получилось, но, видимо замороженный её плачущей улыбкой и каким-то изяществом по-детски виноватых жестов, я не удержался и накрыл ладонь Ники своей. Правда, уже в следующую секунду я ладонь убрал и, слава Богу, у меня это получилось так же непринужденно. Она, кажется, и не заметила.

Перед тем как разойтись, мы договорились, что они с Кириллом в ближайшие дни придут ко мне в гости, а кроме того она должна была сообщить мне место и время встречи с Чоботовым.

У выхода я столкнулся с Чернецким, возвращавшимся от Ткачей после вселения к ним Свистунова и заставшего мое прощание с Никой.

– С кем это ты разговаривал? – спросил он, близоруко шурясь ей вслед.

– Ох... у нее длинное имя, – сам не знаю, как у меня это вырвалось, и я поспешил добавить: – С Никой. С несчастной Никой С., крестницей Вяткина, подругой Кирилла и возлюбленной негодяя Чоботова.

XVIII

Тремя днями позже я играл в нарды у Вяткина.

Живя в городке урывками (при том, что дней, проведенных здесь за месяц, могло набраться больше, чем прожитых в Одессе), я как-то не мог в нем укорениться, наладить нормальную размеренную жизнь. Особенно это ощущалось в конце дня. В Одессе по вечерам я и бездельничая был чем-то занят, здесь же часто чувствовал себя так, как если б мне еще предстояло возвращаться домой. Тогда я одевался и шел к Вяткину играть в нарды. (Кстати, у Чоботова есть рассказ «Триктрак» про двух немолодых игроков. Прочитав его, Вяткин только пожал плечами, а я... В общем, причин не любить нашего писателя у меня стало на одну больше.)

Иван Михайлович Вяткин всю жизнь проработал в школе учителем труда, причем таким, что мог заменить при необходимости чуть ли не любого из преподавателей, от немецкого до физики, и долгие годы вел театральную студию. Внешне он всегда был человеком простым, скромным, но с выходом на пенсию почувствовал вкус к некоторой экстравагантности – так появились жилетки, бабочки и трость. Примерно тогда же он, к большой радости Чернецкого, сделался завсегдаем его суббот, и там составил достойную пару первой скрипке Жаркову, с которым его связывали непростые отношения – достаточно сказать, что вне кабинета Чернецкого они старались друг друга не замечать (и об этом я расскажу чуть позднее). Перед выходом на пенсию, овдовев, Вяткин продал свой дом с обширным участком и купил маленький уютный домик с двух комнатах с небольшим садиком, которым он с удовольствием занимался.

Мне нравилось бывать у Вяткина, глядя на которого, я знал, как хотел бы выглядеть в старости, и нарды были тут отличным поводом.

Время от времени к нам присоединялся третий игрок, редактор Изотов, бывший ученик и студиец Вяткина, большой, до фанатизма, любитель и пропагандист классического кино, страсть к которому он унаследовал от давно живших врозь родителей, когда-то довольно известных в городке активистов киноclubного движения. С ним у нас сложилась занятная конфигурация: я неизменно проигрывал Вяткину, который в половине случаев уступал Изотову, а тому редко когда удавалось обыграть меня.

В тот раз Вяткин сам пригласил меня прийти поиграть. Это было явно неспроста. Заподозрив, что ему стало известно о моей встрече с Никой, и помня её просьбу сохранить наше свидание втайне, я думал о том, как буду выкручиваться, когда начнутся расспросы. Но оказалось другое. Дело касалось не Ники, а её уже упомянутого выше отвратительного братца, год назад вернувшегося из тюрьмы.

Десять лет назад, уезжая на заработки в Португалию, мать Ники оставила двух своих детей на попечении сестры, а Нику еще и на Вяткина. Взавший Нику под свою опеку, Вяткин совершенно не собирался распространять её и на брата (упорно называвшего Вяткина крестным). У того же было свое мнение на этот счет, и нервов он Вяткину с тех пор попортил порядочно.

Я уже выше вскользь упомянул о происшедшей с ним в тюрьме неожиданной метаморфозе. В городок Зять вернулся насквозь пропитанный всей этой блатной и воровской романтикой. В их когда-то общем с Никой доме он устроил настоящий притон, в котором собиралось все наше, впрочем не столь уж и многочисленное городское отребье. Дом уже два раза горел, и Зять предпочитал жить у сожительницы. Часто можно было видеть его сидящим на корточках возле своего черного мотороллера (черная душа, он и одевался во все черное) в окружении такой же шпаны. Всё это я рассказываю к тому, чтобы было понятно, с кем Вяткину приходилось иметь дело. И раз уж речь опять зашла об этом персонаже, добавлю, пользуясь случаем, что по возвращению после отсидки в городок он быстро сошелся с некой Лерой Холодок, которая была лет на пятнадцать его старше.

За этой примечательной во всех отношениях женщиной тянулся целый шлейф слухов. По одному из них, уйдя из дому в тринадцатилетнем возрасте, она добралась до Одессы и жила там некоторое время с воров, который научил её в совершенстве своему ремеслу. Рассказывали о наборе необыкновенных отмычек, которые достались ей после его смерти. Так или иначе, но воровством Лера Холодок действительно промышляла с ранней юности и до тех пор, пока однажды в самом конце девяностых с ней не случилась беда. Тогда при повальном обнищании каждый оберегал свое добро как мог: кто-то укреплял замки, кто-то оставлял на видном месте бутылку с отравленной водкой, а кто-то ставил и охотничьи капканы. Вот в один из них в подвале дома Страхнина Лера и попала. Угодив в капкан рукой (вероятно, находясь в подпитии, споткнулась и упала), она от болевого шока потеряла сознание, потом долго ждала пока придет помощь и в результате осталась без левой кисти. Рассказывали, что восторжествовавший сначала майор (к тому времени уже вдовец) сменил постепенно гнев на милость и даже решил помочь несчастной, но, как-то зайдя проведать, будучи пьяным, воспользовался её увечным положением и над ней надругался. В результате чего якобы и появился на свет единственный сын Леры. Сам Кирилл Юрьевич своего отцовства так никогда и не признал, да и вообще не любил вспоминать ту историю. Когда Холодок (так, по фамилии, его все называли) немного подрос, Лера научила его всему, что когда-то хорошо умела сама, и уже к подростковому возрасту тот превзошел наставницу. Ходили слухи, что когда в мэрии пропали ключи от какого-то важного сейфа, туда ночью привезли Холодка, и он тот сейф открыл. (Мне эта история кажется такой же легендой, как Лерин любовник-вор и его волшебные отмычки.) Известно также, что занятие это Холодок так и не полюбил, и брался за любую нехитрую работу, какую только можно найти в маленьком городе – копал, красил, собирал свеклу и орехи, сдавал металлолом, и проч. Воровать шел, когда уж совсем приходилось туго, но в дома никогда не лез, только в подсобные помещения, в погреба, кладовки, летние кухни, где можно было поживиться чем-нибудь съестным. В последнее время его часто видели в церкви, в связи с чем Жарков назвал его «святым воришкой». Робкий, неряшливо одетый, молчаливый (не помню, слышал ли я когда-нибудь от него хоть слово), он до последнего времени всем другим предпочитал общество матери, которая, несмотря на свое увечье, образ жизни и возраст, подбирившийся к сорока, всё еще оставалась привлекательной женщиной. Этого несчастного юношу прибывший из тюрьмы Зять взял в оборот сразу же, как только сошелся с Лерой. Пользуясь её странным попустительством и, видимо, полагая, что опыт отсидки дает ему на то полное право, он стал безраздельно распоряжаться Холодком. Говорили, что несколько краж они совершили вместе.

При этом, как я уже говорил, не оставлял своим вниманием брат Ники и Вяткина, и как-то я и Изотов стали свидетелями вопиющего случая, когда на веранду, где мы играли в нарды, вдруг вышел из комнат нетрезвый Зять, забравшийся в дом через окно. С приездом сестры этот, как уже было сказано, постоянно пребывавший пьяным или под какой-то дурью мерзавец совсем распоясался, очевидно решив, что Вяткину в её присутствии будет труднее ему отказать, и, кажется, это было одной из причин подавленного состояния Вяткина. Так что когда он в конце того вечера решил отдать мне на хранение все свои немногочисленные ценности (золотое обручальное кольцо, золотой же самородок размером с фалангу большого пальца, подаренный ему сыном, две золотые цепочки, брошь с изумрудом), я не удивился и счел эту предосторожность нелишней. Составив на двух листках опись принятого, я оставил листок с моей подписью ему, а другой, с его, взял себе. Всё вышеперечисленное Вяткин положил в футляр для очков из мягкой кожи и отдал его мне.

Я уже стоял в дверях, когда позвонила Ника. Наскоро попрощавшись с Вяткиным, я быстро вышел и только за калиткой продолжил разговор, в ходе которого Ника сообщила мне время и место её встречи с Чоботовым. Встреча была назначена на завтра.

XIX

На следующее утро я обнаружил, что в доме хоть шаром покати, и отправился завтракать в заведение, которое неподалеку держали два брата-кавказца и где я часто, когда было лень готовить, обедал. В тот день было слишком уж ветрено, чтобы сидеть на летней веранде, и я спустился в подвал. Там за единственным занятым столиком сидели сожитель Зои Тягарь, матери Алисы, Петя с приятелем. Петю я знал по субботам у Чернецкого, на которые он повадился одно время ходить, прослышав, что там наливают. Все три или четыре раза, которые он там побывал, Петя упивался до потери сознания, так что Чернецкому пришлось ему отказать. Если не считать этой страсти, был он человеком мягким, застенчивым, с глазами на мокром месте. Когда-то успешно вёл дела, но разорился. Причиной неудач отчасти стала неразделенная любовь к Алисе Тягарь. И так же, как Алиса, расставшись с Кириллом, сошлась с его отцом, отвергнутый Алисой Петя стал жить с её матерью, поселившись у нее в доме. Опускаясь с каждым годом все ниже, он обычно целыми днями слонялся по городку, предлагая услуги собутыльника то одному, то другому.

Едва я сел, как грузный приятель Пети, коротко с ним пошептавшись, поднялся и направился в мою сторону. Оплывшим лицом в скобках свисающих по обе стороны волос и небольшой бородкой он напоминал забросившего учебу семинариста. Улыбаясь, незнакомец поздоровался со мной, назвав по имени-отчеству, и спросил:

– Вы меня совсем не узнаете?

Тут-то, услышав знакомый голос, я и обмер. Передо мной стоял Кирилл Стряхнин. Посмеиваясь над моим изумлением, он отступил назад, выдвинул из-за их с Петей стола свободный стул, сделал пригласительный жест и почтительно стоял, пока я не принял приглашение.

Еще в разговоре с Никой я отметил её фразу, что Козлик в отличие от Кирилла совсем не изменился, но такого представить не мог. Встретив где-нибудь на улице, я бы его не узнал, и история с так называемым двойником теперь и вовсе выглядела абсурдной. Утешало только то, что я был такой не один. Оказывается, половина города – поскольку сам Кирилл выбрался на люди лишь в третий раз – так и продолжала раскланиваться с незнакомым юношей. Если верить Кириллу, он не думал никого разыгрывать, так само вышло.

– Только ваш фотограф – Жарков, да? – сразу узнал. Глаз алмаз.

Понемногу разговорившись, я постепенно привык к его новому облику, однако удивительное ощущение первых минут, когда он был похож на себя меньше, чем привезенный им Козлик, мне крепко запомнилось.

Кирилл стал говорить о том, как часто вспоминал меня в Москве и как уже здесь собирался со дня на день ко мне зайти. Ох уж эта не совсем понятная провинциалу готовность столичных гостей любую случайную встречу обставлять как давно и горячо чаемую – они эту готовность как будто постоянно носят с собой, как иные еду для бездомных собак. Ты у них всегда лёгок на помине, и тебя только вчера, или даже сегодня утром, или вот минуту назад вспоминали. Впрочем, и такая, московская, радость Кирилла мне была приятна.

Он был чуть навеселе, тянул слова, отвечал с некоторым запозданием и с не совсем точной, чуть подгуливающей интонацией; похоже было, что ему мешает сосредоточиться какая-то мысль. На мой вопрос, надолго ли он приехал, пожал плечами:

– Да как вам сказать... – Улыбаясь, он завел правой ладонью левую прядь за ухо. – Как получится. Попробуем подправить, подрихтовать нашу помятую реальность, а там как Бог даст, да, Петя?

«Тепленький» Петя был, как говорится, на своей волне и в ответ размеренно закивал.

Что имел в виду Кирилл, мне узнать не довелось. У него зазвонил телефон и, коротко по нему поговорив, он стал рассовывать по карманам вещи. При этом торопливо, в туманных тезисах, выкладывал видимо то, во что собирался меня посвящать:

– Надо идти. Но я надеюсь, что мы скоро увидимся и поговорим. У меня к вам долгий разговор. Анонс: человеку иногда позарез нужна абсолютно новая логика минувшего, которая бы его с этим минувшим примирила. В ней, единственное наше, конченных людей, спасение. Вы верите в молниеносные прозрения? Я верю. Но куда девать весь груз прошлого, если ты не собрался в монастырь или в петлю? Вопросы, вопросы... Такая вот у нас сейчас веселенькая повестка дня, и я бы хотел услышать ваше мнение. Петя, допивай. Всего доброго.

Заглядывая мне в глаза, Кирилл схватил через стол меня за руку. Он ведь прежде был остроумным молодым человеком, подумал я, откуда эта нарочитая горечь самого дурного пошиба? Что-то в нем, не только в словах, но и во всем его новом облике было жалкое, и за короткое время встречи я успел проникнуться некоторым сочувствием к нему, как если бы его неожиданная, неприятно поразившая меня заматерелость была следствием каких-то перенесенных невзгод.

Уже на лестнице он обернулся ко мне и весело спросил:

– А вы знаете, как можно поправить непоправимое?

– Как?

– Вот и я об этом. А никак. Да! и спасибо огромное за предложение приютить меня. Как видите, родной город не слишком рад моему приезду.

Позавтракав, я решил ненадолго заглянуть к Чернецкому. Там кипела работа. Одно из зарубежных издательств, с которыми Чернецкий сотрудничал, запросило его фотографию, и теперь Жарков трудился над портретом. Воодушевленный настоящим делом, он с нескрываемым удовольствием распорядился Чернецким. Тот неохотно подчинился: опираясь поясницей о подоконник, послушно складывал на груди руки и глядел через плечо в сад. При этом ворчал: «Где-то я такое видел...» Жарков то и дело крадучись подходил к нему, подносил к лицу экспанометр и тут же, посекудно озираясь, чтобы не задеть стойку с осветительным зонтиком или штатив с камерой, отступал назад. В последнюю ходку он убрал с подоконника стопку книг и оставил одну, открытую.

С моим приходом они решили сделать перерыв, и я рассказал о встрече с Кириллом.

– Да, нелегко ему, – вздохнул Чернецкий, – На расстоянии все было умозрительно, а теперь оно перед глазами. И, боюсь, бездна для него только-только начинает открываться. Сил бы ему.

– Кстати – всё хотел узнать – что вы сейчас думаете о ней, об Алисе? – спросил я.

Помолчав, Чернецкий негромко продекламировал:

Мечтанья девушек красивы...

И смущенно замолк, видимо вспомнив, что уже однажды зачитывал эти бальмонтские строки в связи с Никой. Надо сказать, Чернецкий, хоть и прожил всю жизнь рядом с матерью и сестрой, и был когда-то женат, в женщинах разбирался слабо. Впрочем, не мне с моими неудачными двумя браками об этом говорить.

– Если верить недавним слухам, – сказал Жарков, – то как тут не вспомнить веселую семейку папы Александра Шестого Борджиа, дочь которого делила ложе как с родным братом, так и с ним самим, с папой.

– А давай лучше не будем верить слухам, – предложил Чернецкий.

Ни ему, ни мне не хотелось мусолить «горяченькую» тему, и мы перешли на нашего подопечного, кукольника. Прожив у Ткачей три дня, тот бесследно исчез. Телефон его не отвечал,

и мы решили, что он вернулся в Одессу. Витюша же на людях по-прежнему не появлялся, и чем закончилась их встреча, пока оставалось неизвестным.

XX

Моим приглашением Кирилл воспользовался буквально через два дня: позвонил рано утром и попросился пожить у меня в Одессе. Я сказал, что машина моя в ремонте, но я могу договориться, чтобы его захватил с собой как раз собиравшийся в Одессу Кучер. В восемь утра помятый и невыспавшийся Кирилл подошел к его дому. Если б я знал тогда, что за сцена предшествовала его отъезду, я не то что ключей – руки б ему не подал. Но подробности того вечера дошли до меня несколько позже. Отправляя его в Одессу, я только знал, что после нашей встречи в подвале он предпринял еще одну попытку прорваться в дом отца, закончившуюся большим скандалом. Происходило это примерно в то же время, что и свидание Чоботова с Никой, при котором с не совсем ясной на тот момент целью присутствовал и ваш покорный слуга.

Дом для встречи находился недалеко от центра (я потратил десять минут), но стоял как бы на отшибе. Ника ждала меня у нижней калитки, и мы поднялись через огород. Удивляло, что для свидания с человеком, которого она явно побаивалась, ею было выбрано столь диковатое место – неухоженный двор, ветхий полузаброшенный домишко... Видимо, заметив мое недоумение, Ника смущенно пожала плечами. В доме она провела меня через комнату, где собиралась разговаривать с Чоботовым, и ввела в смежную с ней небольшую кухню.

– У меня к вам большая просьба, – сказала она. – Что бы не происходило, не вмешивайтесь, пожалуйста. Только-только если я попрошу. Хорошо?

Ника вышла, и я осмотрелся: печь-груба, на стене лохань, большая деревянная пила без полотна, какие-то сети, клеёнка... – всё старое, грязное, пыльное. Я поставил у двери в комнату табурет, протер его, проверил не скрипит ли, нашел у печи и положил рядом коротенькую кочергу.

Чоботов пришел минута в минуту.

– Может, сядем вот здесь на диванчике? – предложил он, входя за Никой в комнату.

– Нет, давай лучше за столом, – сказала Ника.

– Ну, за столом так за столом, – согласился он и выдвинул стул.

Серая от пыли занавеска по ту сторону двери висела таким образом, что я в прореху справа, да и то под острым углом, мог видеть только Чоботова, а в прореху слева – Нику. На приготовленный табурет я ни разу не присел, и всё время провёл в полусогнутом положении перед низенькой дверью, заглядывая в комнату то с одного края, то с другого. Зато слышно через незастекленную ячейку было хорошо.

Разводя руками от себя, Чоботов погладил плюшевую скатерть и вдруг, вцепившись в нее и сгребая в кулаки, громко зашептал:

– Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю. – Закончив, вытер ладонью рот, разгладил смятую скатерть и откинулся на спинку. – Вот так бы начал эту встречу какой-нибудь Витюша или Жарков. Но у нас с тобой этот этап уже далеко позади, поэтому: хочу, хочу, хочу. Здравствуй!

– Антон, веди себя прилично, – попросила Ника.

– А то что?

– А то я уйду. (Скрипнул стул.)

Чоботов, выставив ладонь, сказал:

– Хорошо-хорошо, сиди. Уж и пошутить нельзя... Да и разве я сказал что-то новое? – Он откинулся на спинку. – «Уйду». Сразу угрозы. Господи, да ты знаешь, что бы я сейчас мог тебе на этот твой жалкий писк возразить? Ты вспомни, что за книгу я о тебе написал! И ты, согласившись со мной – со мной! – на встречу в какой-то заброшенной хибаре, требуешь от меня хорошего поведения?! Ты в своем уме?! Всё-всё-всё. Это была свободная импровизация на предложенную тему. Всё. Надеваю строгий ошейник. Может, пересядем на диванчик?

После повторного отказа Ники Чоботов замолчал и на некоторое время, свесив голову набок, уставился в пол. Ника сидела на стуле бочком и тоже глядела под ноги.

– Так на чем я остановился? Поэтому. Поэтому – почему? – он вскинул улыбающееся лицо.

– Почему – что?

– Сама знаешь что. Ладно, это потом. Чего так долго не приезжала? Обещала еще год назад. Или полтора?

– Ты о чем? Когда это я тебе обещала?

– Было дело.

– Ты что, пьяный?

– Я рядом с тобой всегда как пьяный. (Это «как» было лишним, он явно был навеселе и от него даже мне пахивало.) Ты, наверное, думала, я тебя просил прийти, чтобы извиняться? Ничуть. И давай уже с самого начала, как старые любовники, будем откровенны...

– Какие любовники? Ты бредишь, что ли?

– Есть разные виды любовных соитий. В измененных состояниях, во сне... да и в том же бреде. Не помню точно, но в каком-то из них ты мне и обещала приехать.

– Антон, у меня не так много времени. Если тебе просто хочется со мной поговорить, расскажи лучше, как Варя, дети. Раз уж я здесь, послушаю. У меня есть несколько минут.

– А что – Варя? Варю я у себя в кабинете ставлю иногда лицом к окну, и она стоит, изображает тебя со спины. Я ведь её под тебя выбирал. (Ника и Варя действительно были примерно одного телосложения.) Сам живу вполсилы, дышу в полдыхания, и её мучаю – её непростая жизнь и на твоей совести.

Помолчав, продолжил:

– Глава вторая: дети. Ну, что сказать. Они отчасти твои, потому что когда я их делал, то думал о тебе.

– Фу, какой бред ты несешь! Вот я так и знала, что будет что-то такое.

– Тебе нравятся мои дети?

– Кому они могут не понравиться?

– А знаешь, как их зовут?

– Девочку – Нина, среднего мальчика – Илья? Младшего – еще не знаю.

Чоботов усмехнулся.

– Нина, Илья, Клим. И будет еще один: Александр. Или Александра.

– Красивые имена.

– И всё? Еще раз для не шибко понятливых барышень: Нина. Илья. Клим. И Александр.

Повтори.

Подняв брови, он выжидательно глядел на нее. Увидев появившееся на её лице изумление, удовлетворенно хмыкнул и развел руками.

– Так что они все – твои.

– Ты ненормальный.

– Это случайно вышло, клянусь, сам поразился. Ну, может подсознание подшутило.

В конце концов Ника – это победа по-гречески. Ну, хорошо-хорошо, если ты против, следующего назову Олегом или Ольгой. А потом сделаю еще троих и будет Николай, в честь Гоголя. Нина, Илья, Клим, Ольга, Лариса, Александр... Вот только с кратким «И» как быть? Не очень-то и придумаешь. «И» – нельзя, получится какая-то глупость во множественном числе: Николаи. О! Есть такое веселое имя Йошка. Его и возьму. Йошка Чоботов – звучит? С этим решили, теперь переходим к главному. И это уже серьезно. Только внимательно вдумайся в то, что я сейчас скажу, хорошо?

– Знаешь, если вдумываться во всё, что ты говоришь и что пишешь...

Чоботов оборвал её, хлопнув ладонью по столу.

– Слушай внимательно, я сказал. – Он подергал в её сторону выставленным указательным пальцем. – И заведи волосики за ушки, чтобы лучше слышать. Или нет! давай лучше я сам... ну, пожалуйста!..

Он подошел и нежно завел совершенно неподвижной Нике волосы за одно, потом за другое ухо; отошел полюбоваться, взял свой стул и переставил ближе к ней. С этой минуты я его больше не видел, только слышал.

XXI

– Итак. Что касается книги... – Чоботов некоторое время молчал. – Пойми такую вещь. Это не только твой ужас. Но и мой.

– Да что ты говоришь? Неужели? Мне, правда, от этого не легче.

– Сейчас будет легче, потерпи. Итак: это ужас. Да. Но. К счастью, всё поправимо. Спросишь: как? Ведь спросишь же? Вот спроси: как?

– Как?

– Видишь, тебе интересно. А значит, не все потеряно. Как? А очень просто. Нам нужно сойтись. И как только мы оказываемся вместе, это сразу – понимаешь? сразу! – всё перечеркивает. Сразу и жирно, вот так! – Над верхним краем занавески мелькнула ладонь Чоботова с опять же выставленным указательным пальцем и скрипнул невидимый стул. – Ты только представь. Сразу же меняется освещение, смысл – всё! Мало того, из ужаса и гадости «Сороконожка» превратится в драгоценное свидетельство того, какой сложный путь нам пришлось преодолеть. Памятником тому, через какие испытания проходит настоящая любовь. Наши дети передадут её своим. Ну и все в таком духе. Подумай... То есть. Что значит: подумай! Тут не о чем думать. И если ты не хочешь с этим жить, никакого другого пути свести это на нет, извини за тавтологию, нет. Давай сделаем это прямо сейчас.

Ника слушала, не шелохнувшись, глядя в сторону и вниз.

– Время идет, а ты не меняешься, – вздохнув, произнесла она, когда Чоботов умолк.

– Что?!

– Я хотела сказать, что за эти годы столько произошло, а здесь всё остается как было. В большом городе ты бы уже давно забыл про меня. Нет, я понимаю, что ты имеешь в виду. Но, послушай, Антон. Давай откровенно. Во-первых, я пришла сюда только потому, что перед тобой виновата. Только поэтому и больше ни почему. А во-вторых... Это не любовь, Антон. В тебе сейчас говорит твое упрямство, уязвленное самолюбие. Единственное, чем мы с тобой связаны, так это взаимной виной. И я бы очень хотела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.